



XXVI СЪЕЗД КПСС



ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 8 ФЕВРАЛЬ 1981

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 8 (2797)

21 ФЕВРАЛЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

...Впереди у нас большая работа. В восьмидесятые годы должен быть завершен перевод экономики на рельсы интенсивного развития, должны быть резко подняты производительность и качество труда. Непременным условием производственных успехов остаются повышение уровня хозяйственной работы, воспитание у кадров деловитости, ответственности и инициативы.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из речи на октябрьском [1980 г.] Пленуме ЦК КПСС



СЪЕЗДУ ПАРТИИ

Смотрите в номере материалы:
«КамАЗ: есть вторая очередь!»



«Земное притяжение»



«Два гудка над бухтой»



- ГОРДОСТЬ
СКОГО КОМСОМОЛА

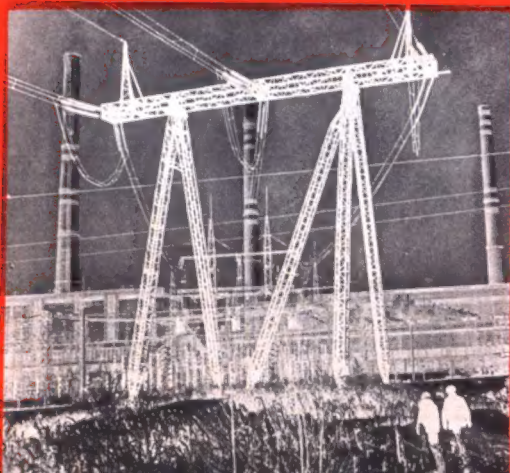


Товарищ Леонид Ильич Брежнев среди строителей БАМа. 1978 год.

Фото В. Мусаэльяна.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

«Под девизом «Рабочей эстафеты»



«Черная роза пустыни»



«Читающий Север»



Товарищу КУЗНЕЦОВУ Василию Васильевичу

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР горячо поздравляют Вас, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, в день Вашего 80-летия. На всех постах партийной и государственной работы Вы отдаете свои силы и опыт беззаветному служению делу коммунистического строительства, великим идеалам марксизма-ленинизма.

От всего сердца желаем Вам, дорогой наш друг и товарищ Василий Васильевич, долгих лет жизни, доброго здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности на благо нашей партии и советского народа, во имя торжества коммунизма.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
КПСС

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СССР



УКАЗ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении
Героя Социалистического Труда
тов. Кузнецова В. В.
орденом Ленина
и второй золотой медалью
«Серп и Молот»

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Героя Социалистического Труда тов. Кузнецова Василия Васильевича орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот».

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль.
12 февраля 1981 г.

ПОСЛАНЕЦ ХЛОПКОВОГО КРАЯ

Рассказываем о делегатах XXVI съезда КПСС

Она подумала, что ослышалась, когда произнесли ее фамилию. Но нет, речь шла о ней — Холбуви Рустамовой, бригадире совхоза имени Ульянова, Пахтакорского района. Делегатом на XXVI съезд КПСС от Джизакской областной партийной организации коммунисты целинного хлопкового края избрали именно ее.

...Всего семь лет назад молоденькой выпускницей медучилища приехала Холбуви в эти места — здесь уже развернулось освоение Джизакской степи. Жизненного опыта почти не было: до приезда на целину недолго проработала в городской больнице.

— Я бы осталась медиком, — говорит нам Холбуви. — Но очень захотелось стать хлопкоробом. И хотя я хорошо понимала, что моя профессия здесь тоже очень нужна, но не выдержала, договорилась о замене и подала заявление на курсы механизаторов.

Вот уже шесть лет после оконча-

ния курсов Холбуви работает бригадиром. За это время она стала коммунистом. Что ни сезон, у возглавляемого ею коллектива новый успех. За пятилетку бригада выполнила два задания по производству «белого золота» — сборы в 35 центнеров с гектара стали здесь привычными.

Добрые слова о Холбуви можно услышать и от товарищей по работе, и от руководителей совхоза, и в соседних хозяйствах, и в областном центре — Джизаке. Она ведь не только бригадир и секретарь цеховой партийной организации, но и член обкома партии и депутат областного Совета.

В проекте ЦК КПСС к съезду говорится о продолжении освоения Каршинской и Джизакской степей. Дух захватывает от перспективы: будет введено в эксплуатацию 450—465 тысяч гектаров орошаемых земель!

Г. ЛЮ, В. КОСТЫРЯ,
сбор «Огонька»



Холбуви Рустамова

Фото В. Молгачева



Семья Малихиных у нового дома, где им отведена трехкомнатная квартира.

Ордер №1...



Виновник торжества...

Рождение ребенка — это всегда счастье, большая радость в семье. Ликут мама, папа, бабушки, дедушки. Но для супругов Малихиных — Натальи и Александра, фрезеровщицы и слесаря дизельного завода, — рождение сына Алеши стало торжеством необычным: Алексей Александрович Малихин, их сын, — полумиллионный гражданин города Пензы. Весть эта быстро разнеслась по городу. И к счастливым родителям хлынул поток поздравлений — родных, близких, сослуживцев. Было в этом потоке и поздравление Александра Евгеньевича Щербакова, мэра города с полумиллионным населением. А вслед за сердечным поздравлением Малихиным торжественно вручили ордер на трехкомнатную квартиру. Это был первый ордер, выданный в Пензе в 1981 году.

Пусть же ко многим поздравлениям семье Малихиных присоединится и наше, огоньковское...

С. ПОРТЕР
Фото автора

Трудовые подарки XXVI съезду КПСС



...И В ДОРОГУ!

Они уже есть в магазинах — новые машины минского мотозавода. Первую промышленную партию предприятие выпустило в феврале, соревнуясь за достойную встречу XXVI съезда партии.

Минский мотозавод — единственный в стране, выпускающий легкородные мотоциклы. Спрос на них одинаково большой и в городе и в селе. Теперешняя модель «ММВЗ-3. 112», надо полагать, пойдет лучше предыдущей. Заводские конструкторы позаботились о том, чтобы почти полностью обновить ходовую

часть, сделать мощный мотор, удобнее седло. Гарантийный срок обслуживания машины доведен теперь до 12 тысяч километров по сравнению с 10 тысячами у предыдущей, а пробег до капитального ремонта — 24 тысячи километров.

На сборке первых двухсот пяти машин ударно поработали слесари Геннадий Молчанов, Михаил Павловский, Петр Шутовец, Валентин Лобань, Александр Радченко.

А. ЩЕРБАКОВ,
сборка «Огонька»

Инженер-конструктор В. И. Забавский и слесарь — ветеран завода А. Ф. Кухарчик (справа) у новой машины.

Фото А. Мызникова

НА ВУЛКАНЕ

Джеймс ОЛДРИДЖ

Как это ни странно, но жизнь в современной Англии все больше напоминает жизнь на вершине вулкана. Все мы знаем, что он, этот вулкан, существует. Из-за правительственной политики у нас появилась армия безработных в два три миллиона человек, и все говорит за то, что эта политика приведет к дальнейшему росту безработицы и, похоже, к подрыву многих основ жизни в современной Англии: нашей системы образования, жилищного строительства, здравоохранения, социального обеспечения, нашего спорта, искусства и даже промышленности.

Чем все это кончится? Этот вопрос волнует сейчас всех в Великобритании, начиная от профессоров в колледжах и кончая простыми рабочими в шахтах или на заводах. Куда мы идем и что с нами будет? Правительство гос-

пожи Тэтчер хочет верить, что оно удержится у власти в течение пяти или больше лет. Но если заглянуть вперед на эту правительственную «пятiletку», то все мы знаем, что нас ждет увеличение безработицы, снижение жизненного уровня и вместе с тем всевозрастающие прибыли для предпринимателей, которые и определяют наше будущее. Как заявил один из наших профсоюзных деятелей, Лен Мэррей, если будет продолжаться нынешняя политика, то через пять лет мы будем иметь армию безработных в пять миллионов человек.

Находясь здесь, в Лондоне, в эти дни, каждый здравомыслящий и политически сознательный человек просто не может не сравнивать перспективы наших предстоящих пяти лет с тем, что начертано в проектах развития Советского Союза на этот же срок.

Различие между двумя общественными системами становится все более ощутимо, когда попытки западных стран выбраться из бедственного положения сравниваются с организационной работой социалистического мира, рассчитанной на длительный период своего будущего развития, мира, не знавшего и не знающего никаких потрясений ни в прошлом, ни в настоящем. И вы ни в одной советской газете не прочтете таких слов о современной обстановке в стране, какие употребила в передовой статье лондонская «Санди таймс» 8 февраля: «Англия испытывает наихудшие времена упадка на протяжении нынешнего столетия».

Грандиозный размах планов, предусматриваемых проектом развития Советской страны на предстоящие годы, трудно себе представить, если исходить из реальности нашей экономической системы. Ведь такой объем всевозрастающих вложений в различные отрасли промышленности, сферы социального обслуживания, транспорт, образование и культурную жизнь — все это находит за пределами наших возможностей. Мы не в силах это сделать даже в том случае, если

бы располагали необходимыми средствами. По сути дела, в Англии производятся большие денежные средства, которые могли бы опять вкладываться в дело с пользой для общества — и в промышленность и в другие отрасли с целью повышения жизненного уровня. Но на деле эти деньги застревают в виде голых прибылей, и значительная часть их уплывает за пределы страны или же используется для создания таких финансовых структур, в задачи которых входит извлечение еще больших прибылей для финансовых воротил, но не дающих ничего ни для укрепления нашей экономики, ни для повышения жизненного уровня народа. Наше общество превратилось в общество примитивного денежного мешка, где богачи становятся еще богаче, а общество не имеет возможности производить больше и совершенствоваться в интересах подавляющего большинства своих членов. Это как раз и есть то, что называется «монетаризмом», и этот «монетаризм» олицетворяет наш «пятiletный план».

Что такое пятiletний план социалистического государства? Его главным принципом является то,

НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

Бернард МАГУБАНЕ, профессор

— Мы с нетерпением ждем открытия XXVI съезда КПСС, как, впрочем, и все прогрессивные люди в мире, в том числе и в Африке. Для нас решения форумов советских коммунистов — неисчерпаемый источник вдохновения в нашей работе и в нашей борьбе, — заявил видный общественный деятель Южной Африки профессор Бернард Магубане.

То, что съезд привлекает внимание африканской общественно-

сти, вполне объяснимо. Ведь советское общество самое передовое на земле, его основы заложила в 1917 году Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая эпоху революционного переустройства мира. Первая в мире страна социализма доказала на практике, что господство капитала не вечно и что рабочий класс взял в свои руки власть для выполнения великой исторической миссии — полного освобождения всех трудящихся.

Образ жизни советских людей, их отношение к нуждам страны ярко проявляются в коллективиз-

ме, базирующемся на новой, общественной организации труда, которая представляет собой главное условие успехов СССР. Советские люди ударно трудятся, потому что работают на благо всего общества. Отсюда и новое, творческое отношение к труду, позволяющее проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый край, которые капитализм душил тысячами и миллионами.

Прогрессивные революционные силы и движения в Африке используют опыт СССР. При этом

речь идет не о каком-то его копировании. У каждой африканской страны своя специфика, свои экономические, национальные и культурные особенности.

Для строительства нового общества нужен прочный мир. Только тогда можно будет покончить с голодом, болезнями, развратить культуру, здравоохранение, жилищное строительство. Иными словами, борьба за мир связана с борьбой за права человека. Советский Союз никогда не щадил усилий в интересах сохранения и укрепления мира на земле. КПСС на своих XXIV и XXV съездах раз-

САМОЕ ДОРОГОЕ

Георг ФУКС, президент Международного института мира в Вене

За свою жизнь я немало повидал. Помню истерзанную, искалеченную Европу, которую я прошел дорогами войны в форме капитана медслужбы английских войск. Помню советских солдат на улицах Вены, освободивших Австрию от коричневой чумы. Не забуду глаза японской девочки, умиравшей от лейкемии в госпитале Хиросимы через тридцать с лишним лет после взрыва американской бомбы.

«Есть вещи поважнее, чем

мир», — заявил, едва ступив в Белый дом, новый госсекретарь США Хейг. «Нет ничего дороже мира!» — сказала мне мать той девочки. Я был в этой семье четыре года назад, когда приехал в Хиросиму, чтобы написать книгу о последствиях атомного взрыва.

Но удивительное дело: о том, что произошло в Хиросиме в августе сорок пятого, на Западе знает ничтожное число людей. Готовя книгу, я нашел лишь две-три публикации на эту тему. Поразительно мало знают о Советском Союзе, о его роли в минувшей войне, о новых и новых мирных инициативах. Зато нет недостатка в материалах о «советской угрозе», о том, за сколько времени танки русских могут дойти до Европы. Отсюда призывы к произ-

водству «гуманной» нейтронной бомбы, убивающей без крови и ран, проповедь доктрины «ограниченной ядерной войны». Как ученый, исследующий воздействие ядерного излучения на организм человека, со всей серьезностью могу сказать: в случае атомного конфликта, сколь бы «ограниченным» его ни представляли, под угрозой окажутся жизнь и здоровье миллионов.

Увы, еще далеко не все на Западе представляют себе опасность гонки вооружений. Необходимо широкая пропаганда движения за мир, разоблачение псевдонаучных теорий, в которых нет недостатка у прислужников военно-промышленного комплекса. С этой целью в 1969 году создан наш институт, объединивший видных ученых Востока и Запада. Вице-президенты института — известный западногерманский профессор Герхард Каде и советский профессор, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Олег Быков. Институт про-

водит международные симпозиумы, выпускает ежеквартальный журнал «Наука и мир» на английском языке, готовит совместные сборники.

Один из самых распространенных козырей идеологов гонки вооружений — якобы гонка вооружений экономически выгодна для трудящихся. Разоблачению этой явной фальсификации был посвящен научный симпозиум в Вене в 1979 году. Материалы его показывают, что несколько десятков миллионов человек, занятых в военном производстве в капиталистических странах, лишают работы намного большее число трудящихся, не имеющих возможности найти применение своим силам в гражданских отраслях. Например, каждый миллиард долларов, затраченный на военные цели в США в 1977 году, создавал 46 тысяч рабочих мест. Те же средства, направленные на мирные цели, обеспечили бы работой 70—100 тысяч человек, то есть в 1,5—2 раза больше! Есть и более простое, очевидное доказательст-

чтобы производить ценности для всех. Он приводит в действие все силы вашего общества для выполнения поставленных задач. Для нас понять это не так-то просто, потому что здесь, в Англии, мы не знаем, что планируют представители нашего большого бизнеса. Все его предприятия находятся в частном владении и преследуют прежде всего собственные интересы, без учета задач, стоящих перед всей экономикой страны.

Когда же знакомимся с основными принципами и объемом ваших планов, предусматривающих продуманные вложения в различные отрасли экономики и все сферы жизни советского общества, то просто недоумеваешь, каким образом у нас на Западе ухитряется функционировать наша неразумная система, основанная на экономической анархии и черпающая в этой анархии свои силы.

Любой человек, обладающий элементарной честностью, должен признать, что программа XXVI съезда КПСС — это программа мира. Планировать такие огромные стройки и нацеливаться на такое стремительное развитие можно только в условиях

мира. Более того, ваши планы говорят о том, что у вас нет страха перед будущим, и это в то время, как мы на Западе живем постоянно в обстановке тревоги и не только перед военной угрозой, но и перед грозящей экономической катастрофой.

Этот страх пронизывает всю нашу жизнь. Мы боимся присутствия на нашей территории баллистических ракет. Мы испытываем страх из-за того, что не знаем, как долго сможем зарабатывать себе на жизнь, мы каждый раз с опаской вскрываем конверты с почтой, ибо находим там возросшие счета за газ, электричество, телефон. Дорожает стоимость буханки хлеба, квартплаты, проезда на автобусе, дорожает билет в кинотеатр, номер газеты и все другое. Да, мы истинно живем на вулкане. Мы не знаем, что нас ждет в течение предстоящих пяти лет. Что же касается социалистических стран, то их жизнь основана на прочной и долговременной основе. Это и будет подтверждено решениями предстоящего XXVI съезда КПСС.

АПН. Специально для «Огонька».

Лондон.

ВДОХНОВЕНИЯ

работала Программу мира и последовательно осуществляет ее. Именно благодаря СССР 70-е годы ознаменовались крупными успехами политики разрядки. В результате удалось серьезно ограничить аппетиты агрессивных сил, расширить масштабы антиимпериалистической борьбы. В Африке рухнула португальская колониальная империя, покончено с расистским господством в Зимбабве, мощные удары по империализму нанесли народные революции в Эфиопии и Анголе. Однако по вине агрессивных кругов НАТО и США в последнее время

возникла угроза разрядке, надеждам на то, что война навсегда будет изгнана из международной политики.

СССР твердо следует миролюбивым курсом и, судя по заявлениям его руководителей, не теряет оптимизма. Я уверен, что решения XXVI съезда КПСС станут новой боевой программой действий всех прогрессивных сил против угрозы войны.

**Интервью взял
корреспондент АПН
в Дар-эс-Саламе
Анатолий ЖИГУНОВ.**

Специально для «Огонька».

во: военные бюджеты в этих странах растут, но неумолимо растет и безработица. Гонка вооружений опасна не только тем, что создает угрозу войны. Она отвлекает от мирного использования огромные людские и финансовые ресурсы, производственные мощности, ценнейшие, дефицитные виды сырья, не позволяет в полной мере воспользоваться преимуществами международного разделения труда, поскольку нарушает нормальные экономические связи между государствами. По нашим данным, сейчас в мире в военной области занято около 60 миллионов человек, она пожирает в среднем 30 процентов бюджетных расходов капиталистических стран, 40 процентов расходов на научные цели идет на разработку оружия. А вот другие цифры: в мире насчитывается около 200 миллионов голодающих детей, 460 миллионов людей страдает от постоянного недоедания. Всего 8—10 процентов нынешних мировых затрат на оружие было бы достаточно, чтобы ликвидировать го-

лод, болезни, неграмотность на всем земном шаре.

Минувшей осенью я участвовал в работе Всемирного парламента народов за мир в Софии. По его решению 1981 год должен стать стартовым рубежом решающего наступления народов за мир. И одно из важнейших событий этого года — форум советских коммунистов, который скоро соберется в Москве. Он будет иметь особое значение, так как пройдет в условиях, когда обострилась международная напряженность, сделан новый виток гонки вооружений. Все, кому дорого ясное небо над планетой, именно с политикой СССР связывают надежду на дальнейшее продвижение разрядки, именно отсюда ждут добрых вестей. Не угрозу войны — мир, взаимопонимание, сотрудничество в решении проблем сырья, топлива, продовольствия, охраны окружающей среды, мирного освоения космоса предлагает народам Советский Союз.

Интервью взял Б. ЛАБУТИН.

ОПОРА В БОРЬБЕ НАРОДОВ

**Костас ЦОЛAKИС,
член Политбюро
ЦК Компартии Греции**

Прежде всего я хотел бы остановиться на документе, который предшествует открытию XXVI съезда КПСС, — на «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Проект этот наша партия охарактеризовала как документ огромного значения не только для народов СССР, но и для всего прогрессивного человечества.

Этот документ всем своим содержанием убеждает каждого человека доброй воли, что единственной системой, которая может рационально и планомерно решать проблемы экономического и социального развития в пользу трудящихся, является социализм. Одновременно проект Основных направлений самым решительным образом опровергает утверждения и измышления империалистической пропаганды и всякого рода оппортунистов о том, что «советская модель» социализма якобы устарела и что надо обратиться к другим моделям.

Успехи Советского Союза убедительно показывают неоспоримые преимущества социализма перед капитализмом. В нашей стране, например, положение в экономике характеризуется постоянным ухудшением. Инфляция в прошлом году превысила 25 процентов, растет безработица. Ежедневно становятся известны все новые факты массовых увольнений с предприятий. Растет дороговизна, в результате чего постоянно уменьшается покупательная способность трудящихся, падает их жизненный уровень. Прибавки к зарплате, которых трудящиеся добились своей борьбой, ни в коей мере не компенсируют даже официальный рост цен. Напротив, местные и иностранные монополии обеспечивают себе все новые и новые льготы и прибыли. Огромные средства расходуются на вооружение, и они будут возрастать после возвращения страны в военную организацию НАТО. Тяжелое положение в экономике усугубится вступлением Греции в Общий рынок.

Без преувеличения мы можем сказать, что не только коммунисты, но все трудящиеся, демократические силы нашей страны высоко ценят внешнюю политику Советского Союза и поддерживают ее. В качестве примера можно привести следующий характерный факт: гораздо больше греков, как показал опрос общественного мнения, проведенный комиссией ЕЭС, питают доверие к советской внешней политике, чем к полити-

ке США. Несмотря на все попытки правительственных кругов и оппортунистов всех мастей, ни в одной из организаций (общественных, профсоюзных, женских и т. д.), где участвовали коммунисты, не удалось протолкнуть решения или резолюции, которые бы осуждали помощь, оказанную Советским Союзом народу Афганистана.

Предложения Советского Союза по ликвидации иностранных баз и выводу кораблей, оснащенных ядерным оружием, из Средиземноморья, по справедливому решению ближневосточной проблемы, по установлению мира в районе Персидского залива, созыву международной конференции по кипрской проблеме находят понимание и поддержку не только среди коммунистов, но и среди всех миролюбивых сил нашей страны. Поэтому что все эти предложения вместе и каждое в отдельности направлены на ликвидацию военной угрозы в районе, где находится Греция. Люди доброй воли нашей страны осознают все глубже ту огромную роль, которую сыграла и играет миролюбивая политика КПСС в предотвращении катастрофы, к которой толкают человечество воинственные круги США и НАТО.

Когда 16 октября 1980 года греческое правительство объявило о возвращении страны в военную организацию НАТО, сотни тысяч демонстрантов заполнили улицы больших и малых городов, выражая резкий протест против этого не отвечающего национальным интересам шага. Сейчас по всей стране ширится движение против подписания нового греко-американского соглашения о статусе американских военных баз, оснащенных ядерным оружием, на греческой земле.

Греческие коммунисты верят, что миролюбивые инициативы, которые будут сформулированы на XXVI съезде КПСС, станут твердой опорой в борьбе народов за решение больших международных проблем, стоящих перед человечеством, явятся стержнем в общей борьбе всех миролюбивых антиимпериалистических сил за разрядку и мир. И в этом смысле они будут горячо поддержаны коммунистами нашей страны, всеми прогрессивными силами Греции.

Греческие коммунисты, верные принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, желают делегатам XXVI съезда КПСС творческой работы, а всему советскому народу — больших успехов в осуществлении величественных целей строительства коммунизма.

**Интервью взял
Яннис ЛИЧОС.
Специально для «Огонька».**



Г. П. СТЕШОВИКОВ,
лауреат Государственной
премии СССР, делегат XXVI
съезда КПСС, токарь ленин-
градского судостроительно-
го завода имени А. А. Жданова

Пять декад отсчитали календарь с начала одиннадцатой пятилетки. Казалось бы, совсем немного. Но вот первые результаты: в преддверии XXVI съезда партии 200 тысяч ленинградских тружеников выполнили задание двух месяцев, а 80 тысяч — первого квартала. Досрочно заложен атомход «Россия»; под промышленную нагрузку поставлен последний энер-

взятый на финише десятой пятилетки, стал стартовой скоростью пятилетки наступившей.

Ее рубежи, очерченные в проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии, вызывают большую гордость у каждого советского человека. Гордость и уверенность: как бы ни были высоки намеченные вершины, они будут достигнуты. В этом убеждает нас опыт 63 лет Советской власти, мудрое руководство Коммунистической партии.

Но мы знаем, что вершины эти можно одолеть лишь упорным трудом. И не просто упорным, одного упорства ныне мало. Курс взят на интенсификацию развития экономики, резкое повышение эффективности и качества работы — вот что забывать не следует. И тут, как никогда, поднимается значение инициативы, поиска новых форм социалистического соревнования, наиболее полно отвечающих выросшим потребностям времени. Ленинградцы, как всегда, стараются идти в ногу с ним. В эти дни каждый из нас по-особому требовательно осматривается по сторонам, строго взвешивает творения и своих рук и рук товарищей: чем съезд партии порадуем? И тут хочется сказать об очень приметных свершениях, за которыми хорошо продуманная, настойчиво осуществляемая линия на дальнейшее укрепление связи науки и производства. Более двух третей прироста производительности, миллиард рублей прибыли получены в минувшей пятилетке за счет технического прогресса.

Знаменателен для содружества науки и производства в Ленинграде переход от решения отдельных

сского комплекса страны даст экономический эффект более чем в 2 миллиарда рублей, позволит сэкономить 18 миллионов тонн условного топлива и 11 миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

Вот что такое инициатива. Но не только рублями, тоннами и киловатт-часами измеряется ее сила. Не менее важны, на мой взгляд, морально-воспитательные критерии. Узкая специализация, столь характерная для современного производства, имеет ведь и свои негативные стороны, ограничивая подчас интересы, кругозор рабочего довольно тесными рамками привычных, изо дня в день выполняемых операций. Испытываемая им при этом неудовлетворенность становится, по данным социологов, одной из важных причин текучести кадров. Справедливость их выводов могу подтвердить на собственном примере.

Родился и вырос я в маленькой деревне, возле дорогих каждому русскому человеку Пушкинских гор и «городскую» профессию токаря получил, в общем, случайно. Столь же случайно попал на завод, где не все поначалу ладилось. Детали, которые я вытачивал изо дня в день, долгое время оставались для меня безликими «заказами», разнившимися лишь сложностью обработки и соответственно оплатой. Но деньги для человека, начинающего самостоятельную жизнь, отнюдь не самый главный стимул. И я, честно говоря, начал подумывать о другой, пока не ясной самому, но обязательно более интересной специальности. На мое счастье, это быстро подметили старшие товарищи. И однажды пригласили на новый, стоящий у достроечной стенки теплоход. Показали: вот это, это и это сделано тобой.

Через месяц мы вместе проводили судно в первый рейс. Гремел оркестр, было солнечно, праздни-

отдельные операции, а за определенный цикл законченных работ. Эту инициативу поддержали бригады Михаила Алексеевича Исаева и Алексея Васильевича Тихонова. Три бригады взяли на себя ответственность за формирование океанского судна. И тут хозрасчет убедительно доказал свои преимущества: период сборки был сокращен на полтора месяца.

Хочу подчеркнуть, что это был первый опыт использования бригадного подряда в отечественном судостроении. Его несомненная удача увлекла многих: сегодня на заводе объединены в бригады 92 процента рабочих основного производства.

Собирая свою бригаду, я сразу же отказался от мысли принимать в нее лишь опытных коллег, хорошо известных своим старанием, умением. Наоборот, я опирался на молодых, пока еще ничем не проявивших себя ребят. Николай Кондратьев, например, и вовсе намеревался уходить с завода — не устраивала зарплата, не было перспектив роста. Я его взял в свою бригаду. И вот позади полтора года: он со 2-го разряда поднялся до 4-го, стал победителем конкурса среди молодых станочников и зарабатывает более трехсот рублей в месяц. Кондратьев увлекся общественной работой, его избрали группомсоргом.

Аналогичные перемены и в судьбах других ребят. Росли буквально на глазах: разработали и внедрили несколько интересных приспособлений, заинтересовались учебной. Задание минувшего года мы выполнили в августе, а открытие съезда партии отметим завершением плана четырех месяцев.

СТАРТОВАЯ СКОРОСТЬ ПЯТИЛЕТКИ

гоблос крупнейшей в Европе ЛАЭС имени В. И. Ленина; народное хозяйство получило немало сверхплановых «Кировцев», энергетические агрегаты для атомных станций, уникальные станки, автоматические линии, различные приборы и аппараты.

Таков подарок ленинградцев съезду партии. Такова реальная отдача социалистического соревнования под девизом «От высокого качества работы каждого — к высокой эффективности труда коллектива!».

Девиз этот рожден самой жизнью. Ибо все громадьё намеченных страной планов зиждется на единой и вечной основе — нашей рабочей совести. Будем по совести трудиться — будет у нас воле всего, что требуется для нашего благополучия. Оно зависит исключительно от того, как каждый из нас, каким бы делом ни занимался, на какой бы ни был должности, отнесется к своей главной гражданской обязанности — труду на благо Отечества.

Ярким примером такого совестливого отношения к делу стала ударная предсъездовская вахта. Общий душевный подъем точно выразил призыв бригады лауреата Государственной премии СССР И. Захарова, предложившей продолжить ленинскую вахту до дня открытия XXVI съезда КПСС и меньшим числом работающих дать больше продукции. Такой разбег,

вопросов научно-технического прогресса к решению крупных народнохозяйственных проблем и программно-целевых задач. Начало было положено не сегодня. Тут и соревнование за повышение технического уровня и качества новой техники, и сокращение сроков ее создания и внедрения, и широкое распространение одобренного ЦК КПСС почина 28 ленинградских предприятий и организаций — участников сооружения Саяно-Шушенской ГЭС. А потом стали браться за дела потруднее, сложнее, масштабнее. Сотни предприятий и научных организаций города и области объединили свои усилия, чтобы выполнить более двадцати целевых программ, связанных со строительством Байкало-Амурской магистрали, Канско-Ачинского и Павлодар-Экибастузского территориально-производственных комплексов и других объектов.

В содружестве с учеными коллективы объединений «Ижорский завод», «Ленинградский Металлический завод», «Электросила», «Электроаппарат», «Невский завод» имени В. И. Ленина в небывало короткие сроки создали и освоили серийное производство атомных реакторов, турбин и генераторов в один миллион киловатт и другого уникального оборудования. Осуществление целевой программы дальнейшего развития топливно-энергетиче-

ского комплекса страны даст экономический эффект более чем в 2 миллиарда рублей, позволит сэкономить 18 миллионов тонн условного топлива и 11 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Но не только рублями, тоннами и киловатт-часами измеряется ее сила. Не менее важны, на мой взгляд, морально-воспитательные критерии. Узкая специализация, столь характерная для современного производства, имеет ведь и свои негативные стороны, ограничивая подчас интересы, кругозор рабочего довольно тесными рамками привычных, изо дня в день выполняемых операций. Испытываемая им при этом неудовлетворенность становится, по данным социологов, одной из важных причин текучести кадров. Справедливость их выводов могу подтвердить на собственном примере.

Родился и вырос я в маленькой деревне, возле дорогих каждому русскому человеку Пушкинских гор и «городскую» профессию токаря получил, в общем, случайно. Столь же случайно попал на завод, где не все поначалу ладилось. Детали, которые я вытачивал изо дня в день, долгое время оставались для меня безликими «заказами», разнившимися лишь сложностью обработки и соответственно оплатой. Но деньги для человека, начинающего самостоятельную жизнь, отнюдь не самый главный стимул. И я, честно говоря, начал подумывать о другой, пока не ясной самому, но обязательно более интересной специальности. На мое счастье, это быстро подметили старшие товарищи. И однажды пригласили на новый, стоящий у достроечной стенки теплоход. Показали: вот это, это и это сделано тобой.

Через месяц мы вместе проводили судно в первый рейс. Гремел оркестр, было солнечно, праздни-

Когда в начале 1979 года создавалось напряженное положение на строительстве контейнеровоза «Тимур Фрунзе», Герой Социалистического Труда Николай Романов предложил взамен нескольких специализированных бригад создать единую, укрупненную, комплексную, отвечающую не за

Бригадный подряд окрылил людей, дал простор инициативе, ликвидировал обезличку, столь устраивавшую некоторых любителей прятаться за чужой спиной, соответственно резко повысил ответственность каждого за свой труд. И каждый оказался способен на большее.

Быстрее, дешевле и лучше будем строить мы суда. Гарантия тому — прочный союз с наукой, вооружившей корабли работами манипуляторами, установками плазменной резки, станками с числовым программным управлением и другой суперсовременной техникой. Гарантия тому — рабочий человек, в совершенстве освоивший эту технику, ставший рачительным хозяином производства.

...Первые пять декад отсчитал календарь с начала года. Но уже с опережением графика спущен на воду очередной теплоход с горизонтальным способом грузобработки — «Вера Хоружая». На очереди — «Виктор Талалихин». В общей сложности на 124 дня раньше срока будут сданы эти корабли заказчику.

Так что не с пустыми руками провожают меня на съезд партии товарищи. Ну, а наказ один — по-деловому обсудить намеченные партийные планы, заверить Центральный Комитет КПСС, Политбюро, Леонида Ильича Брежнева, что выполнению их будут отданы все наши силы и знания.

КАМАЗ: ЕСТЬ ВТОРАЯ ОЧЕРЕДЬ!

«Создание такого уникального промышленного комплекса убедительно подтверждает эффективность соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической экономики».

Из приветствия Л. И. БРЕЖНЕВА участникам сооружения второй очереди Камского объединения по производству большегрузных автомобилей.

**Николай БЫКОВ,
Юрий КОЗЛОВ,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

В марте новому городу на Каме исполняется десять лет. Уже десять?.. Всего-навсего! Первые в бесконечной череде грядущего десятилетия. И впрямь время — величина относительная. Сколько кубов медленной торжественной воды перенесла могучая Кама с февраля семьдесят первого? Скорость реки подо льдом по-зимнему неизменна как данность строгой природы. И как стремительно создающая скорость быстрой повседневности, скорость обживания, обустройства левого берега, где поднялись город и порожденные им заводы автогиганта! Но ведь есть еще и властная, всепоглощающая скорость главного конвейера КамАЗа, с которого послушно интервалам, рассчитанным автоматикой, сходят сегодня популярнейшие грузовые автомобили. Ради этой пульсирующей скорости, выносящей за пределы автограда ревущие машины, раскручивались хвосты двух пятилеток на виду медленной Камы.

Набережные Челны не забудут февраля 1981 года, как помнят они дни первого ковша на котловане, первого фундамента под первый жилой дом, первого завода и первенца-автомобиля... Будни, предшествующие открытию в Москве партийного съезда, обернулись для жителей Набережных Челнов предельным напряжением пускового периода на промплощадке камского автогиганта. Десятки тысяч людей согласно подчинили свою волю, знания, опыт одному главному делу: сдать вторую очередь КамАЗа ко дню открытия XXVI съезда! А то ведь и юбилей города не прозвучал бы, как прозвучит он сейчас, когда слово челнинцы сдержали: больше 200 тысяч большегрузов за пятилетку!

...Мы идем вдоль ожившей — второй — нитки главного конвейера и не спускаем глаз с вознесенного под самое перекрытие электротабла: то и дело возникают цифры, сменяющие друг друга. Идет отсчет минутам, по которым рождается сложный самобегая-

щий агрегат с гордым именем «КамАЗ»... Приравнивая шаг к самому ходу времени, начинаешь сопереживать тем, кто вывел автогиганта на проектную мощность. Долгожданное свершилось!

И сразу по-иному зазвучало огромное алое полотнище, объединившее своим крылом две нитки ровно дышащего конвейера: «Сдать вторую очередь КамАЗа к XXVI съезду КПСС — дело чести каждого челнинца!». Пуск — это момент рождения запрограммированной технологии. Тут «повивальных бабок» не счесть! И все ждут первого вдоха, первого вскрика — конвейерной ли нитки, мотора ли только что собранной автомашины. Мы видели, как усталые люди на пусковом комплексе доводили вторую очередь КамАЗа. А это сооружение огромнейшее. И без него, без пуска его, автогигант не может выйти на рубежи одинадцатой пятилетки. Более того, только сейчас, с пуском второй очереди, в Набережных Челнах вышли на последнюю прямую к проектной мощности автогиганта: 150 тысяч большегрузных автомобилей, так полновесившихся в самых разных уголках страны. Да, 150 тысяч в год — цель, к которой, обгоняя и Каму и быстротекущее время, стремились десять лет строители, все жители Набережных Челнов.

Но автомашины — еще не все. Одновременно проектной мощностью предусмотрен выпуск 250 тысяч дизельных моторов. И этой отметки должны достичь труженики автогиганта. И, разумеется, достигнут. Ведь за последний год предыдущей пятилетки они отгрузили 115 тысяч моторов. Так что лиха беда начало.

Идем к финишу второй, только что ожившей нитки главного конвейера. Почти тысяча шагов... Семь десятков различных операций! Конвейер не останавливается. Электротабла беззвучно фиксирует: цифра собранных машин становится двузначной, потом трехзначной... Мы думаем о достоинствах советского грузовика. Как-то оценивают его коллеги за рубежом, порядком преуспевшие в индустрии подобных изделий? Так вот, «КамАЗ» уже бывал на международных смотринках. Его достоинства — факт общепризнанный. По крайней мере по трем десяткам параметров. Он сравнительно легкий, быстр, маневрен, наш «КамАЗ». Сравнительно эко-

номичен. Он и восьмитонный, он и — десятитонный, а может и дюжину тонн взвалить на свои плечи. Там, на смотринках, наш новорожденный, как говорят, очень даже показался, и это предмет гордости камазовцев.

А камазовцы, жители города на Каме, заслуживают особого разговора, более дотошного, чем информация о таком событии, как пуск второй очереди автогиганта. С них, людей КамАЗа, а точнее, с людей объединения Камгэсэнергострой, а еще точнее с жителей Набережных Челнов, все тут началось. Ими — их интересами, делами, заботами — тут все определяется, в том числе и те три скорости времени, которые диктуют ритм бытия и создания на бывшем пустынном берегу Камы.

Так вот, немного о городе, которому десять лет.

Нет поблизости такой высоты, с которой можно было бы охватить взглядом Набережные Челны и его первопричину — КамАЗ. Обязательно что-нибудь останется за кадром. А это «что-нибудь» — либо новый квартал, либо гидроузел Нижнекамской ГЭС с плотинной, перегородившей реку, либо новый аэропорт. Великий, великий автоград! Вспоминается прекрасный миф о младенце Геракле, которому с первых дней появления на свет тесной стала обычная колыбель. Город, задуманный на вырост, то и дело раздается шире. Не по дням, а по часам буквально. По графику. И по генплану застройки. Разобраться с ходом в многосложных проблемах автограда (экономических, социальных, научно-технических и прочих) непросто. Город вызван к жизни насущной потребностью страны в могучих современных грузовиках — это ясно. Но разве только в автомобилях дело? Тут диалектический слав. «Привязаны» к берегу Камы семь заводов. Но не только. Город — не просто толпы людей, дважды в сутки заполняющих емкие и щедро остекленные проходные. Город — это все то, что позволяло, собралось здесь всех этих людей — треть миллиона, — что волнует их, заставляет бесечно смеяться или хмуриться и, быть может, как-то соотносить происходящее «вообще» на КамАЗе с их собственной жизнью. У каждого она своя, неповторимая. И все же общая судьба — автоград. Автоград, бесспорно, задает тут биоритм человеческим жизням, он не может не возвышать над повседневностью молодого рабочего человека. Подвигает его на дерзость начать создавать самого себя. А точкой отсчета для десятков тысяч послужили котлованы и фундаменты вот этого города, которого не было.

Молоды Набережные Челны, они ничем никогда не напоминают бывшую камскую пристань. Молодость — визитная карточка человеческого общежития на пустынных когда-то берегах. Она-то и роднит Набережные Челны с началом Магнитогорска и Новокузнецка, потом Братска, Мирного, Дивногорска... Но великую поправку в быт и бытие строителей внесло Время! Ни «топей блат», ни палаток, ни лежневок. Проспекты! Бетон, стекло, асфальт. Время пульсирует, как вечерние огни уютных кинотеатров и первой высотной гостиницы «Татарстан», а также дворцов, институтов и неприменных кафе со стенами из витринного стекла. Это все наше время — и фары машин и освещенные окна, откуда доносится музыка. Здесь и жители-то нуды энергичнее, а потому современнее, чем в обычной жизни с устоявшимся бытием.

На автосборочном среди многих табличек, обычных для заводоуп-

равления, вдруг возникла одна необычная: «Учительская». Заглядываем. Самая настоящая учительская. Сидят, склонившись над тетрадями, учительницы, подчеркивают нечто досадное и ставят отметки красным карандашом... Здесь, оказывается, разместился филиал школы рабочей молодежи автосборочного завода. Школа существует года четыре. Уже был первый выпуск — пятьдесят восемь человек. В этом году учащихся побольше — триста сорок три.

— Почти все молодые, не имеющие законченного среднего образования, хотя и намерены упущенное, — рассказывает заведующая учебно-консультационным пунктом Розалия Федоровна Адутова. — Конечно, требуется мужество. И все же многие решаются сесть за парту... Уроки по вечерам. Но есть один день в неделю, когда ученики не работают, а только учатся. Да, представьте себе, пошел завод на такое! Причем заработок идет, как если бы парень или девушка работали у конвейера... Наш рабочий Шаукат Хуснутдинов выступил с почином: «Отработай смену за товарища, который учится в школе рабочей молодежи!» Прекрасный лозунг. Очень братский, что ли. Возьмите отличника Анатолия Запелкина. Ему под сорок. А как стремится человек догнать время, получить тот минимум знаний, без которых жизнь не жизнь, а череда будничных смен.

— Мне кажется, — продолжала Розалия Федоровна, — КамАЗ — такое творение человеческих рук, что вызывает в человеке желание проявить себя, свои возможности.

Кто же они, камазовцы? Вот закончили вчерне вторую линию сборки, только что опробовали ее. Мощностю второй нитки главного конвейера — еще двести сорок машин в сутки. Невольно любуются сноровистыми, заученными движениями сборщиков. С нами готовый объяснить требуемое Алексей Федорович Толстоготов, заместитель секретаря парткома цеха, в недавнем прошлом заместитель начальника цеха.

— Здесь, на КамАЗе, нарождается новый тип рабочего человека, — размышляет вслух Алексей Федорович. — Автоматизация, поток требуют от человека инженерного мышления и полной отдачи всех физических сил. Человек так устроен, что знает только одно звено технологической цепочки, пребывать на одном рабочем месте — мало. Талантливый человек у нас раскрывается обязательно.

Набережные Челны строили добровольцы, комсомольцы республик. Поэтому даже вечерняя улица тут без каких-либо эксцессов, хотя в квартирных ячейках жилых домов еще, к сожалению, встречаются и брань, и бескультурье, и пьянство.

Об этом мы тоже толковали у главного конвейера.

На стенде в цехе приковано объявление: «Продолжается запись в молодежный, постоянно действующий на КамАЗе театр «Ника». Желающих приглашаем: Новый город, улица Романтиков...» Ника! Никакого мифа — есть постоянно действующее стремление молодых жить интересно, красиво. Тем более после конвейера. И вдруг захотелось узнать, романтик ли вот этот молодой человек? Двадцать четыре года сборщику Валерию Малкову. Типичный ка-



Первенец второй очереди автогиганта.

Раз-два — и машина обута!

Фото А. Бойцова

Фото А. Гостева



мазовец! И да, и нет. Не просто приезжий — Валерий возвратившийся: на берегах Камы корни малковского рода, здесь жил его дед. Так что приехал в страну собственного детства. Что еще? Женат, с дочкой в семье их теперь трое. Валерий вот на конвейере, обувает машину, ставит аккумуляторы...

Ползет конвейер, а время летит! Но парню нравится постоянство рабочей скорости — технологическая завершенность самой идеи авто сборки. А что не нравится! Хорошо бы изредка операции менять. Бригада устоявшаяся, все свои. На сборнике как-то ребята сказали: если линия пойдет даже втрое быстрее, все равно будем успевать. Какой отсюда вывод! Надо, чтобы каждый чувствовал конвейер. Вообще-то Малкову здесь все по душе: «Работаю на КамАЗе! Звучит!» Звучит.

...Тянется, движется линия сборки. Более шестисот метров, семьдесят операций. Рождается автомашина, ее тут же заводят и отгоняют в сторонку. Остается синее облачко первого в жизни выхлопа.

Такие, как Валерий, предпочитают график рекордам. Они очень надежны, главные жители города. Нужны ли какие-то цифры! Одна-две, наверное, нужны. Из жизни КамАЗа: 738 бригад работают по единым комплексным бригадным планам. Это не мода, но технологическая необходимость. Результат! Три из каждых четырех таких смелых бригад выполнили годовые планы. Вот ведь как все закономерно в мире переключающихся скоростей! А среди лучших — бригадир завода двигателей Евгений Сокольский. Его бригада, кстати, победитель социалистического соревнования на приз «Огонька». Бригады, самых лучших, более семисот, значит, передовых рабочих — тысячи. Более пятисот бригад получили перед партийным съездом Аттестат качества — признание профессионального мастерства...

Где, по каким дорогам будешь ты катить, очередной «КамАЗ»? Всем расскажи о десятилетии города на Каме! В нем, как в коробке передач, живут скорости нашего удивительного времени.



С. Слесарский. Род. 1945. РАСТИ НАШ ГОРОД ЧЕЛНЫ. 1979.



ДВА ГУДКА НАД БУХТОЙ

Суровый ветер гнал по воде тонкие сероватые палыши. Небольшой бумер, как-то сбоку пристроенный к огромному военному судну, изрыгал, медленно вел его к бухте из бухты к устью Даугавы, в близкий Рижский залив. И вдруг над причалами с приливающим и уходящим судном, над доками, мастерскими, портами звенели прокатившиеся для кораблей прощальные гудки.

— Вот и ушел «Ирбис»! Теперь года два не увидимся... — слышался вслед теплоходу. Ионас Домович Митузас. Оттуда, с причала, была видна как на ладони.

— И много у вас тоже знаменитых пароходов!

— О, по всему свету ходят. Я не моряк, но иногда мне так кажется, что вместе с судном, которое в ремонтировал, я тоже совершаю кругосветные плаванья.

Ионас Домович говорил по-русски с едва заметным, характерным для Прибалтики акцентом. Еще до этой встречи, когда в толькой развлекался криволинейного на картине судостроителя по фамилии Митузас, много раз задавали недоуменные вопросы: «Вы не ошибаетесь, что ждете его, а Лявонис? Ведь фамилия литовская». Но все совпало — Ионас действительно родился в Литве, а работать стал здесь, на Рижском судоремонтном заводе Латвийского морского пароходства, уже после службы в армии. Сначала он работал в механическом цехе — это была художник Антвильс и попытка его портрета. Судя по портрету, я ожидал встретить такого замкнутого, молчаливого героя, а он оказался очень мягким, улыбчивым человеком. Может быть, художники стремились тогда воплотить в образе рабочего суровость близкого моря, романтику настоящего мужского труда, но мне кажется, выделять еще и «тепличность» в характере бригадира.

— Митузас одним из первых пришел к нам, когда мы стали работать в цехе по-новому, — рассказывает заместитель начальника цеха Георгий Гаврилович Дубинин. — Знаете, какое не так-то легкое прижизненное, всегда у кого-то возникало сомнение, возражения — и тогда особенно ценным поддержку людей, которые тебе верят. Вот Митузас поверил, и слесарь Григорий Ярикс, и бригада судокорпусников Семен Михайлович Степаненко, и Александр Маркелович Висоцкий — уже литовцы, а работать по новой системе стал исключительно хорошо.

Новшества, о которых говорил Георгий Гаврилович, действительно были здесь необходимы. Дело в том, что еще недавно доковывали из Гдыне в год не выходящий план, был одним из самых отстающих на заводе. Брак в работе, частые задержки судов, из пере-

сток в доке — и все это объяснялось такими в общем-то объяснимыми причинами: дав сложность и нестандартность работ, зачастую завышенными требованиями к оборудованию.

— Но я-то чувствовал, что мне можно работать лучше! Пожилей, какое это нелепое ощущение, когда стараешься что-то сделать, а у тебя все не получается! — вспоминает Дубинин.

И появилось предложение сделать цех комплексным: готовить безразличные участки, обучать людей смежным профессиям, четко разграничить обязанности — в общем, провести целый комплекс мер, которые составили бы необходимые условия научно-технической революции на производстве.

Приказ по заводу о создании нового цеха был подписан два года и семь месяцев назад — Дубинин называет точную дату, потому что с того дня рабочие начали к цеху как бы обрели новый смысл. Казалось бы, ничего внешне не произошло — те же доки, те же рабочие стали более инициативными, но появилась большая заинтересованность в труде, возможность для каждого работать свободно и в полную силу.

За прошлый год мы отремонтировали на десятке судов больше, чем в прежние годы, — рассказывает Дубинин, а в представляю себе эти громадные корпуса в море, доки, такие неприглядные, такие беспомощные, как рыбный вылазцы из воды. Лявонис вот здесь, на берегу, чекать на стульчике.

Главное, я полагаю, — люди изменились, — продолжает Дубинин. — Вот, не буду называть фамилии, имя человека, совсем уж привыкли к ним расстаться, а теперь не сам, без всяких угворок и принуждения охотно только поворачивая с лязгом. Без преувеличения, стал одним из лучших, и сейчас, когда о дисциплине говорят! Да и за эти три года бригады Митузаса: они обслуживают элитную группу, а это в судне — самый ответственный угол. Какое прикрытие ремонтникам: средний вес анкета — около 12 тонн, вес гребного вала — около 18 тонн, и поверхности их должны быть идеально гладкими. Разумеется, такой ремонт создавал множество проблем, а теперь бригады справляются с любыми самыми сложными операциями отлично. А ведь в бригаде у Митузаса много молодежи, после первых работ. Представляете, как возрос уровень самого стажа — судоремонтники Эстония судна это хорошо понимают.

И снова два гудка прокатились над бухтой. Теперь я знал — это не только прощание с берегом, это благодарность рабочим от моряков.

Б. СМЕРНОВ



Через неделю это судно должно уйти в море.

Судоремонтник Ионас Митузас, Николай Романенко, Игорь Мамедов, Игорь В. Савини





Меран Журавленко (слева) и Богдан Павлич



ЗЕМНОЕ ПРШТЯ

Виталин ЗАСЕВ,
фото Анатолия БОЧНИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Дом, где родился Арих Журавленко.



Песа Журавленко со своим шедевром кулинарного искусства.





Дом — фантасмагорическое жилище Жмуркевичей.

ЖЕНЩИНА



Дети не умеют грустить.

Бабушка недавно здесь была, прости.



С

ерая стрела дороги Ивано-Франковск — Стрый, пролетев шестьдесят километров, ударяется в подножие Карпат и, словно расплющившись, образует неоглядное поле. Именно здесь тысячу лет назад и родилось прикарпатское село Долина. Краем неугасающей нужды испокон веку называли эту землю. Уже Днепротранс работал на полную мощь, «Запорожсталь» выдавала сверхпламенный металл, тысячи машин Харьковского тракторного бороздили поля, а тут богу молились, чтобы только дожить до нового урожая. Ну, а те, кто не надеялся на господ, уезжали в Канаду, США, Аргентину, убежденные, по признанию очевидца, известного украинского писателя Василия Стефаника, что «эта земля не может столько народа содержать, да и столько беды выдержать. Мужик не может, и она не может, оба не могут».

Завалившаяся набок хатенка Иосифа Жмуркевича оставалась на улице чуть ли не единственной, где по вечерам горела копотная лампада. Босый, голодный, с хворой женой и тремя детьми на руках, хоть и не силен был в грамоте молодой батрак, но на слух пойманные слова великого кобзаря Тараса Шевченко: «В ком нет любви к стране родной, те сердцем нищие калеки», — знал наизусть. Знал и повторял, как заклинание, когда очередной земляк собирал пожитки и уезжал за океан.

Они тогда пережили и голод, и эпидемии тифа, и тягостные годы властвования панской Польши, и ночные обвалы гитлеровцев. Видели, как расстреливают односельчан-коммунистов. Но родное Прикарпатье не предали. Не отступили от священного завета — «С родной земли — умри, не сходи!».

— Незабываемое впечатление той поры — черствая, как кора дерева, горбушка хлеба и кислая пахта в глиняной кружке, — вспоминает Мирон Иосифович, старший из сыновей Жмуркевича. Мы сидим в кабинете начальника базы производственного обслуживания нефтегазодобывающего управления «Долинанефтегаз» и, слушая рассказ, мыслями переносимся в недалекое прошлое. Отец не состоял ни в каких партиях, — продолжает наш собеседник. — Однако, помню, дома он в самом укромном месте хранил и, временами достав, подолгу разглядывал вырезанный из журнала портрет Владимира Ильича Ленина. Все помыслы о лучшей доле для своих детей были у него связаны с этим человеком.

И не ошибся гуцульский батрак в выборе судьбы для сыновей. Старший, Мирон, десятилетним хлопцем впервые переступивший порог начальной школы, вышел в руководители. Средний, Марьян, стал высокопрофессиональным рабочим-нефтяником. Младший, Евгений, окончив Львовский политехнический институт и прорабо-

тав несколько лет на буровых, стал главным инженером Долинской тампонажной конторы. Уже и первые внуки Иосифа Жмуркевича окончили кто институт, кто техникум. Скоро правнуки в школу пойдут. И каждый из них благодарен отцу, деду, прадеду своему за то, что сохранил верность родной земле, дорогому и близкому их сердцу Прикарпатью.

Секретарь Долинского райкома партии Вера Теодозьевна Кобинец достает из папки полученные общественными организациями района письма из Канады, Аргентины, Франции, США. Авторам их, всем без исключения, до слез хотелось бы «видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий». Почти 30 тысяч украинцев эмигрировало из Прикарпатья только за десять лет до прихода Советской власти. Многие из них возвратились на Родину. Другие приезжают, целуют порог отцовского дома и как святыню увозят горсть родной земли.

Обо всем этом я размышляю, глядя на заснеженную Долину, уютный прикарпатский городок.

Десять лет назад я впервые попал в эти края. Сегодня Долину не узнать. Помнится, на месте нынешней школы-интерната была свалка. Там, где высится жилой массив, Дом техники, расстилался пустырь. Не было великолепного многоэтажного общежития хлопкопрядильной фабрики, Дома быта. (Как выяснилось позже, за эти годы в районе построено 23 школы, десять клубов и домов культуры, почти сто тысяч квадратных метров жилья.)

Мирон Иосифович Жмуркевич, показывавший нам город, хорошо помнит то время, когда в Долине имелись лишь две лесопилки, обозная мастерская, две солеварни да захудаленький кирпичный заводик. И все. Сейчас в районе около двадцати промышленных предприятий, выпускающих ежегодно продукции более чем на сто миллионов рублей. Нефть и мебель, газ и строительные материалы, кожу и швейные изделия поставляют теперь долиняне в разные уголки республики. И не только республики. Многие изделия здешних искусных мастеров деревообработки пользуются повышенным спросом в разных странах мира.

В канун нашего приезда в Долине состоялась торжественная сдача первой очереди хлопкопрядильной фабрики. Совершеннейшее оборудование, мощные кондиционеры в каждом цехе.

— Наши девчата по-ударному трудятся, — говорит главный инженер Вячеслав Усольцев. — А лучшие из них в полтора-два раза перекрывают дневные нормы.

Удивительное дело. На каком бы предприятии в Долине мы ни побывали, везде ощущали незримое присутствие дружной семьи Жмуркевичей. В цехах хлопкопрядильной фабрики, например, нам показали чуть ли не целую бригаду из выпускниц четвертой Долинской средней школы, где много лет учительствует жена Мирона Иосифовича — Надежда Григорьевна Жмуркевич. На Выгодском лесокombинате крупным цехом по производству древесноволокнистых плит руководит жена

Евгения — Леся Владимировна Жмуркевич. А на Долинском газоперерабатывающем заводе мы стали свидетелями трогательной встречи двух друзей — Мирона Жмуркевича и старшего машиниста технологических компрессоров Богдана Павлива. Вместе, бок о бок, воюют они за сверхплановую добычу газа, учатся друг у друга. В день встречи районная газета поместила портрет Б. Павлива, избранного делегатом на XXVI съезд КПСС. Мирон Жмуркевич от имени всех нефтяников и газиков района первым поздравил своего товарища.

Каждую неделю, по субботам, все Жмуркевичи собираются в доме одного из братьев. На этот раз приятные хлопоты выпали на долю Леся и Евгения. (В прошлый выходной «давали обед» Марьян с Ангелиной, живущие в собственном доме, в старой части города.)

После лыжной прогулки в горах, благо здесь до любого заснеженного ущелья не больше двадцати минут езды на «Жигулях», собрались в уютной трехкомнатной квартире младшего брата. И сразу стало тесно. Приехали Марьян с женой и детьми (а их шестеро). Не заставили себя ждать Мирон и Надежда. Верно, грустно было обоим, что сын их Игорь — выпускник Львовского университета и дочь Людмила — будущий преподаватель музыки нынче далеко от дома. Но в кругу родных долго грустить не пришлось. Помогать хозяевам надо. Ангелина, повар по профессии, надевает передник и берется за салаты. Леся колдует над праздничным пирогом. И вот она уже приглашает всех к столу. Мы тоже садимся, любимся душевной красотой, сердечностью этой трудовой семьи, с наслаждением слушаем, как спивают они свои песни, и радуемся, что живем вместе с ними на одной земле.

Уже возвращаясь в Москву, мы встретились с первым секретарем Ивано-Франковского обкома Компартии Украины Иваном Ивановичем Скибой. Почти ровесник Советской власти в Прикарпатье, И. Скиба внимательно выслушал наш рассказ о встречах в Долине, о семье Жмуркевичей, а потом, не задумываясь, назвал добрый десяток подобных семей, живущих в разных уголках области.

— Судьба каждой из них, — сказал Иван Иванович, — может быть темой самостоятельного очерка. Ибо только с приходом Советской власти по-настоящему ожил и расцвел этот многострадальный край, а его жители обрели веру в свой самобытный талант.

Тогда же мы услышали имя легендарного председателя колхоза «Первое мая» из Снятинского района Юстына Личука. С гордостью называл И. Скиба имена выходцев из простых семей крестьян-гуцулов, которых сегодня знает вся страна, — лауреата Ленинской премии, доктора физико-математических наук М. Бродина, народного художника СССР, Героя Социалистического Труда В. Касияна, писателя Д. Павлычко, лауреата Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко, и многих других, о судьбе которых и о крае их раздольном можно, конечно же, рассказывать много.

Москва — Ивано-Франковск.

О СЧАСТЛИВЫХ

Новая жизнь дана роману Петра Проскурина «Имя твое» — жизнь сценическая. В качестве творческого отчета перед XXVI съездом партии Калининский областной драматический театр привез в Москву именно эту инсценировку, осуществленную народной артисткой РСФСР, главным режиссером В. Ефремовой (художник Н. Мацедонский, композитор В. Овчинников).

В романе Проскурина, как и в его сценическом воплощении, — наша история, наше настоящее и будущее. Это и большой разговор о человеческом счастье и духовный опыт целой эпохи... Когда Захар Дерюгин, прошедший, как говорится, огонь и воду, говорит со сцены: «Счастливым я для жизни человек», — слова эти воспринимаются зрителем как пронзительная метафора, в которой отражены величие, стойкость и мужество советского человека.

История жизни и любви Захара Дерюгина в спектакле интересна не столько внешним ходом событий, сколько итогом нравственных выводов именно о счастье людей, это счастье отвоёвывавших. Заслуженный артист РСФСР А. Чуйков с большой самоотдачей раскрывает в центральной роли редкост-

но самобытный характер незаурядного человека, преодолевающего все удары судьбы.

Думается, не случайно обратились калининцы к прозе лауреата Государственных премий СССР и РСФСР П. Проскурина. Ведь калининская земля испытала все то, о чем рассказал писатель в романе; обращение же к большой советской литературе всегда оплодотворяет театр. Думается, так произошло и на сей раз. Успех спектакля в немалой степени обусловлен тем, что судьбы героев Проскурина близки, понятны и создателям постановки и зрителям. На сцене возникает желанная атмосфера редкой доверительности: здесь нет ни мудрствующей умозрительности, ни усложненности формы. Простота, непритязательность внешних выразительных средств помогают театру сосредоточить внимание на самом главном: на сложности, тонкости человеческих отношений, на мыслях и чувствах людей, чьи судьбы неразрывно слиты с судьбой страны. Тождественность, близость, родство сцены и зала еще и в том, что текст от автора артист К. Юченков произносит, находясь среди зрителей, — как бы от их имени. Актер не комментирует действие, а словно



«СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА»

Полтора года человек «работал» в сельском районе секретарем райкома партии. Он впервые пребывал в такой роли, и ему было трудно. Может быть, потому, что молод и не так уж много видел? А тут профессиональная память услужливо подсказывала из-

вестные, навязшие в зубах штампы. Важно было уйти от этих штампов и работать просто, по-человечески, любя людей, думая о них, болея их болью, искренне негодуя по поводу их неблагоприятных действий. Это всегда видно без лишнего слов, это буквально написано на лице.

Естественно, он в своем деле не чувствовал себя одиноким. Не только потому, что с ним были рядом и более опытные, знающие, видящие со стороны. И все равно возникали ситуации, из которых не всегда удавалось выйти молодцом.

И вот прошло полтора года. Человеку сказали:

— Все! Теперь возвращайтесь к своим обычным делам, пока мы тут будем дорабатывать отдельные эпизоды, монтировать, озвучивать. До премьеры, Темур!

...На студии «Грузия-фильм» известный кинорежиссер Резо Чхеидзе заканчивал двухсерийную картину о секретаре райкома партии, позже названную «Твой сын, земля». А молодой режиссер драматического театра Темур Чхеидзе — однофамилец Резо Чхеидзе исполнял в ней главную роль.

По-разному бывает у творческих людей. Один закончит работу и позволяет себе немного отдохнуть, развлечься. Иной же, напротив, не хочет утрачивать темп и с разгону врывается в другой мир. У Темура Чхеидзе этим миром оказался довоенный городской квартал, где действует чистой души человек без компромиссов, участковый милиционер по прозвищу «Кукарача». Летом прошлого года в одном из мест-

Рабочий момент съемки фильма «Твой сын, земля». Слева — Темур Чхеидзе. Фото Г. Нахуцришвили



ДЛЯ ЖИЗНИ ЛЮДЯХ



делится воспоминаниями, вспыхнувшими только что, сию минуту, под воздействием происходящих на сцене событий.

Впрочем, тут менее всего думать о тех или иных режиссерских приемах, о постановочных эффектах.

Калининцы определяют спектакль так: «Страницы романа в трех частях», подчеркивая тем самым главенствующую роль именно литературного первоисточника в жанровом и в композиционном решениях. Однако постановка явно обретает черты народной драмы, с ее особой мерой условности, простотой композиции, особым юмором, свежестью актерской игры...

Инсценировка, конечно, не смогла вместить всех событий, всех судеб романа. Но в спектакле осталось ощущение мощного исторического потока, эпическая широта, дух народного нравственного идеала.

Глубоко раскрывает красоту и силу характера Ефросиньи Дерюгиной заслуженная артистка РСФСР Н. Хонина; в ее интерпретации героиня сохраняет высокую душевную щедрость и человеческую доброту вопреки всем испытаниям.

Это впечатляющий, яркий образ русской крестьянки, нашей современницы.

Следует отметить исполнение заслуженным артистом РСФСР В. Гатаевым роли Тихона Брюханова. В образе воплощены черты коммуниста, борца, строителя новой жизни. Страстность натуры счастливо сочетается с глубоким дисциплинированным умом, а человеческая доброта — с обостренным чувством ответственности.

Аплодисментами встречает зал массовые, а точнее, народные сцены спектакля. В них каждый участник выполняет свою задачу, раскрывает свой характер.

Одна из самых выразительных массовых сцен — встреча Захара Дерюгина с односельчанами, когда он, похоронив в Сибири Маню Поливанову, возвратился в родные Густичи. Вокруг Захара собрались односельчане, вернее, односельчанки, потому что мужиков после войны на селе почти не осталось... Горька поначалу эта встреча на родной земле, измученной войной: здесь у каждого горя — через край. Но найдет Захар для близких людей слова участия, и вдруг сцена окатит зрителей такой душевной теплотой, таким неподдельным добросердечием — будто уже и праздник на-

ступил и солнечный день пришел... В этой сцене актеры импровизируют, творят, и многие тут запомнятся — например, Лукерья Поливанова в исполнении народной артистки РСФСР А. Вольской, артист В. Рассказов в роли Фома...

Постановщик спектакля В. Ефремова и режиссер С. Плисецкая нашли такие выразительные средства, которые позволяют создать и в финале атмосферу приподнятой эмоциональности, героики... Молодой актер В. Мандриков в роли Николая Дерюгина несет тему покорения человеком космического пространства.

Подвиг Дерюгина-младшего становится продолжением героической жизни всех его близких — отца и матери, старших товарищей и учителей.

«Неостановимо течет река вечности», — говорится в спектакле от автора. Да, она неостановима... Но сама вечность, само движение нашей героической истории как бы приостановились на то недолгое время, пока идет спектакль, чтобы запомниться людям, остаться в сердцах и умах зрителей.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

Фото Ю. Чамова

ВСТУПИЛ В ПАРТИЮ

ных журналов была напечатана повесть лауреата Ленинской премии Нодара Думбадзе под этим названием — «Кукарача». Темур Чхеидзе предложил сделать по этой повести телевизионный фильм, и уже через полгода телезрители Грузии смотрели на своих экранах «Кукарачу» в постановке Темура. Словом, получилось так, что жизнь обоих фильмов — «Твой сын, земля», и «Кукарача», началась в одно и то же время, в январе этого года.

Темуру Чхеидзе выпало счастье создать образ партийного руководителя. Эта очень непростая, глубокая роль ему удалась. И между концом съемок и премьерой была «Кукарача». Темур Чхеидзе, где-то подспудно, независимо от него самого оставался под огромным впечатлением образа секретаря райкома партии.

После премьеры, когда его спросили, что он может сказать о своей работе с дистанции прошедшего времени, он ответил, что дистанции пока не ощущает, что секретарь еще не расстался с ним, не покинул его. Будь он более многословным, он мог бы рассказать о том, как снимался этот фильм на еще недавно запущенной, бесприютной земле Месхети-Джавахети с участием ее жителей, патриотов этой земли. И сколько было горячих споров, не-

ожиданно вошедших в фильм документальных эпизодов и «натуральных» персонажей. Перед Темуром Чхеидзе открывалась сама жизнь, в которой как бы стирались грани между придуманным сценаристом и продиктованным конкретными обстоятельствами, на которые наталкивалась съемочная группа.

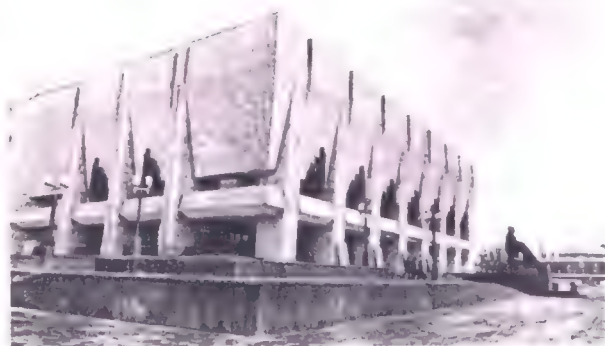
Уже после съемок, дома, в своем театре, он подошел к секретарю партийной организации Иосифу Георгиевичу Лагидзе и вручил ему заявление: «Прошу принять меня кандидатом в члены Коммунистической партии Советского Союза. Программу и Устав КПСС изучил и выражаю желание стать коммунистом».

Под самый Новый год, 30 декабря, в тбилисском драматическом театре имени Руставели состоялось партийное собрание. Принимали кандидатом в члены партии Темура Нодаровича Чхеидзе, 37 лет, грузина, режиссера, работавшего в театре с 1970 года. Приняли единогласно.

Связать свою жизнь с партией — к этой мысли люди активной жизненной позиции приходят рано или поздно, разными путями. Путь одного из них прошел через искренне пережитый им образ коммуниста.

Ия МЕСХИ,
сборкор «Огонька»

ЗАНАВЕС ПОДНЯЛСЯ...



Тишина в зале стояла такая, какая бывает только тогда, когда каждый зритель полностью захвачен театральным действием. Желанная и прекрасная для артистов тишина. Прекраснее, наверное, только шквал аплодисментов, которые обрушиваются на них с последней репликой актера. Потом, когда окончится спектакль «Каракоз», я увижу на лицах и зрителей и артистов слезы благодарности. Дело в том, что зрители на этот раз были строители нового здания Казахского академического театра драмы, открывшегося незадолго до XXVI съезда КПСС.

— Почему для премьеры вы выбрали «Каракоз»? — спросил я главного режиссера театра и его директора, народного артиста СССР А. Мамбетова.

— Потому что это пьеса Мухтара Ауэзова, имя которого носит наш театр. Потому что это произведение большого философско-этического звучания. Трагичная, жертвенная любовь девушки Каракоз и юноши Сырмауа сродни классическому сюжету «Ромео и Джульетты» Шекспира. Мы не впервые обращаемся и этой пьесе, но нынешний сценический вари-

ант коренным образом отличается от предыдущих. Театр пытался уйти от ранее найденного бытового решения спектакля, как и от натурализма отдельных сцен, помня о главном — о раскрытии характеров, о создании поэтического образа. Судя по реакции зрителей, они нас поняли.

— Истат, как вы оценили работу строителей.

— Театр прекрасный, настоящее украшение Алма-Аты. По размерам сцены и объему он приближается к вновь построенному МХАТу на Тверском бульваре в Москве и не уступает ему по удобствам.

Кроме основной сцены и зрительного зала на 800 мест, у нас есть еще экспериментальный, на 250 зрителей. Таких залов в стране не много. Сцена в нем может трансформироваться и оказываться в центре зала. Здесь мы будем показывать камерные спектакли, предоставив возможность молодым драматургам, актерам, режиссерам, художникам экспериментировать, искать. Словом, новый театр превосходен. Теперь дело за нами, артистами.

Л. ЮРЬЕВ.
Фото автора



Начальник второго котлотурбинного цеха В. Г. Шапкин и машинист М. И. Шарыпов.

Трудовые подарки
XXVI съезду КПСС

ПОД ДЕВ «РАБОЧЕЙ ЭСТАФ»

Четвертый щит управления.





Рефтинская ГРЭС.

Вот какую рыбу можно, оказывается, разводить в подсобном хозяйстве электростанции.



ИЗ ОМ ЕТЫ»

Фото
Э. ЭТТИНГЕРА

В конце прошлого года, как раз в дни празднования 60-летия Ленинского плана ГОЭЛРО, была введена в строй Рефтинская ГРЭС Свердловской области. После завершения строительства последнего, десятого энергоблока она стала крупнейшей тепловой электростанцией страны — ее мощность достигла 3800 тысяч киловатт.

В поздравлении участникам сооружения Рефтинской ГРЭС Леонид Ильич Брежнев писал: «Ваши достижения еще раз ярко продемонстрировали великую силу социалистического соревнования, объединившего под девизом «Рабочая эстафета» усилия энергостроителей Урала, машиностроителей Украины, Сибири, Ленинграда, трудящихся других промышленных центров страны».

Достоинством новой электростанции является то, что работать она будет на дешевых углях Экибастузского месторождения. Ввод в строй Рефтинской ГРЭС существенно увеличивает энергетический потенциал страны на востоке.

Зимний сад в поселке энергетиков.



Дневная смена.



Дзержинский район столицы... Он раскинулся от площади Дзержинского до ВДНХ. Через весь район, как луч, проходит проспект Мира, один из красивейших проспектов Москвы. Сегодня мы рассказываем о тех, кто живет и работает здесь, о свершениях коммунистов Дзержинского района в пору от XXV до XXVI съезда КПСС. Их труд, их мысли и дела были подчинены величественной задаче — росту благосостояния советского народа, борьбе за мир.

Б. БОРИСОВ,
фото Г. КОПОСОВА

ЧУГУН ВЫПЛАВЛЯЕТСЯ... ЗА КУЛЬМАНОМ

Есть на проспекте Мира проектный институт. По его чертежам и разработкам созданы заводы, на которых выплавляется каждая пятая тонна чугуна и ста-

брался храбрости и по совету одного умного человека поехал в Ленинград поступать в политехнический институт, чтобы стать инженером-металлургом. Доехать до Ленинграда смелости хватило, а вот пойти в институт заробел.

Что ж, прощай, мечта? Нет, Саша был не таков. Нашел работу в порту, стал разгружать суда. А вечерами учился на рабфаке. Через полтора года добился своего — стал студентом. Прошло еще пять лет. Молодой инженер Александр Сухоруков участвовал в проектировании и строительстве доменных печей в Днепродзержинске и Донбассе. Не знал он тогда, что совсем скоро придется ему эти печи взрывать — всю войну Александр Ефимович был сапером. В партию лейтенант Сухоруков

даром рядом с его боевыми наградами сияют ордена Ленина, Октябрьской Революции, «Знак Почета».

ДРУЗЬЯ С «КАЛИБРА»

Странно и причудливо порой складываются и пересекаются человеческие судьбы. Думал ли когда А. Г. Лосев, что изменит родовой профессии жестянщика и станет слесарем-сборщиком автоматических измерительных линий? Мастер того же цеха В. В. Быченков, бывший автослесарем, а чуть позже первоцелинником, тоже не имел никакого представления об этих сверхточных машинах. Но так случилось, что в сорок третьем Александр Григорьевич помогал отцу делать вентиляционную систему на «Калибре», да так и застрял, увлекшись тончайшей работой своих сверстников. Виктор Васильевич вообще знать не знал о «Калибре», но надо же так случиться, что, поднимая кулундинскую целину, а потом работая комбайнером, он познакомился с девушкой с «Калибра». Когда женился и вернулся в Москву, молодая жена оказалась такой энергичной пропагандисткой родного завода, что убедила Виктора расстаться с таксомоторным парком.

Францию, ФРГ, Данию, Канаду, Швейцарию и Японию.

Среди продукции «Калибра» есть уникальные автоматические системы, которые встраиваются в поточные линии на подшипниковых, моторостроительных, автомобильных заводах. И вот что важно: без вмешательства человека эти приборы с микронной точностью измеряют диаметр и даже шероховатость тех же шариков или поршневых гильз, а потом их отбраковывают и сортируют.

— Но чтобы машина работала так точно, она сама должна быть сделана сверхточно. Как это удается? — спросил я у кавалера орденов Ленина и Трудового Красного Знамени А. Г. Лосева.

— Во-первых, на нашем участке многие рабочие имеют шестой разряд — высший в отрасли. Во-вторых, мы работаем на самоконтроле. Очень важно и то, что, скажем, я собираю машину от начала до конца, то есть хорошо знаю всю пневматику, гидравлику и электронику, и мне куда легче эту машину отлаживать, настраивать, регулировать. А там есть такие нюансы, о которых и говорить странно. Раньше ведь какой мастер ценился: тот, который микрон пальцем чувствовал! Теперь

ПРОСПЕКТ МИРА — ПРОСПЕКТ ТРУДА И НАУКИ

ли в мире. В прошлом году вклад института в развитие металлургической промышленности был высоко оценен международной общественностью. Государственный ордена Ленина институт по проектированию металлургических заводов — «Гипромез» был награжден «Золотым Меркурием». Я видел эту статуэтку, держал ее в руках, а потом спросил у начальника доменного отдела А. Е. Сухорукова: что в этой фигурке принадлежит ему?

— Прежде всего ее изящный пьедестал, — улыбается Александр Ефимович. — Хотя он изготовлен из цветных металлов, получить их без чугуна невозможно. А я всю жизнь занимаюсь доменными печами. Наши печи работают в Болгарии, Польше, Венгрии, Чехословакии, Индии, Египте, Финляндии...

Позже я узнал, что доменными печами Александр Ефимович занимается отнюдь не всю жизнь. В двадцать восьмом году осиротевший семнадцатилетний паренек из-под Курска ушел на заработки в Донбасс. Рубал уголь, был электромонтером, но каждый вечер, выбираясь из шахты, шел на окраину поселка любоваться заревом — это сливали шлак из доменных печей. В конце концов на-

руков вступил в сорок втором, под Тихвином. Прорывал блокаду, воевал на Украине, на Сандомирском плацдарме, освобождал Будапешт, штурмовал Вену. Закончил войну майором, кавалером боевых орденов. А снял погоны — и тут же в «Гипромез». Думал, будет спокойная, кабинетная работа за кульманом. Но бывшему майору снова пришлось «воевать», на этот раз с разрухой. Восстановление доменных печей в Запорожье, Днепродзержинске, Жданове — все это факты его биографии. Новый этап — проектирование уникальных печей-рекордсменов: в Караганде, Липецке, Туле, Кривом Роге... Криворожская печь до сих пор крупнейшая в мире: суточная производительность — одиннадцать тысяч тонн! Но дело не только в производительности, эта печь — принципиально новое слово в доменном деле.

— Горжусь я не столько печами, — говорит Александр Ефимович, — сколько тем, что удалось воспитать немало молодых специалистов-доменщиков, которые, уверен, пойдут дальше нас, работать будут лучше нас.

Хорошо бы... Но работать лучше А. Е. Сухорукова нелегко. Не-

Московский инструментальный завод «Калибр» — детище первой пятилетки. Тогда его изделия — штангенциркули, линейки, угломеры — чуть ли не на вес золота были: до тридцати второго года все приходилось покупать за границей, и именно за золото. А уже работали подшипниковые и автомобильные заводы, сходили с конвейера первые тракторы и комбайны — без точного измерительного инструмента не обойтись.

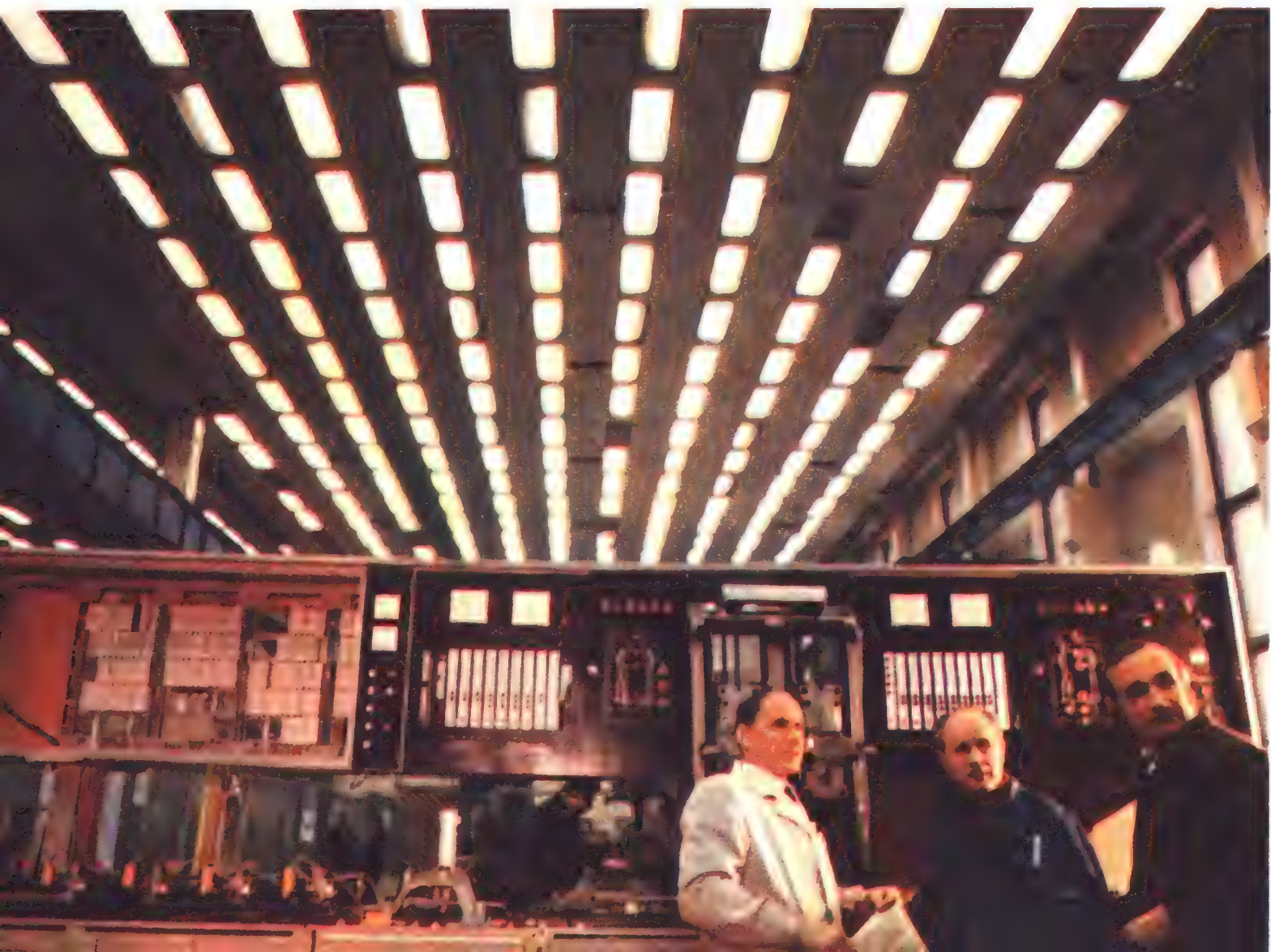
«Калибр» вскоре стал ведущим предприятием в своей отрасли. Ведущим не только по объему продукции, но и в технической политике, одним из известнейших в мире. Продукция «Калибра» экспортируется в пятьдесят восемь стран, в том числе в Англию,

их при всем желании не почувствуешь — измерения происходят с помощью воздуха. Все дело в высочайшей требовательности к самому себе. Эту требовательность у рабочих воспитываем мы, коммунисты. И, видимо, логично то, что лучшие рабочие, как правило, вступают в партию. На нашем участке каждый третий — коммунист. Мне посчастливилось быть делегатом XXIV съезда КПСС, членом МКК КПСС, депутатом Моссовета трех созывов. Сейчас я член бюро цеховой партийной организации. Мой товарищ Виктор Быченков — член парткома завода и народный заседатель Верховного суда РСФСР. Словом, вкус к общественной работе у нас есть, без нее мы просто не пред-

Ветеран партии И. П. Сахаров и молодой коммунист, рабочий экспериментального завода качественных сплавов Ю. В. Шумбуров. * Обелиск покорителям космоса.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Герой Социалистического Труда, делегат XXVI съезда КПСС С. М. Новиков. * На заводе «Калибр». Мастер В. В. Быченков, слесарь-сборщик А. Г. Лосев и фрезеровщик А. А. Байковский. * Государственный ордена Ленина институт по проектированию металлургических заводов награжден «Золотым Меркурием». * В приборном цехе завода «Калибр». * ВНИИалмаз, Т. А. Липкина у растрового электронного микроскопа.









ставляем жизни. Но самое отрадное то, что эти традиции охотно перенимает молодежь.

ЦЕНА АЛМАЗНОЙ ГРАНИ

Есть в Дзержинском районе учреждение, продукция которого ценится даже не на вес золота, а дороже. Что золото по сравнению с алмазом! Тут и говорить не о чем. Сколько легенд и трагических историй связано с такими алмазами, как «Шах», «Орлов» или «Куллинан»!.. Но эти камни рассматривались как недоступные украшения, символ власти. Сравнительно недавно у алмазов появилась новая профессия — они стали помогать техническому прогрессу. Бурное развитие авиационной, космической, машиностроительной, электронной, полупроводниковой промышленности напрямую связано с производством алмазных инструментов.

Алмазов нужно все больше и больше. А в природе их не так уж много, да и цены на них баснословные. Стали поговаривать о производстве искусственных алмазов, но дальше теоретических разработок дело не шло. И вдруг сенсационное сообщение! В конце пятидесятых годов академик Л. Ф. Верещагин получил первые синтетические алмазы. Они, конечно, не столь красивые, как природные, но в твердости нисколько им не уступают. Вскоре наладили производство как самих искусственных алмазов, так и инструментов из них. Большая заслуга в этом принадлежит ВНИИ Алмазу. Здесь, в стенах института, разработаны практически все ныне существующие алмазные инструменты.

— Ваши алмазы совсем вытеснили природные? — спросил я у директора института, профессора В. Ф. Романова. — Неужто Айхал и Мирный работают только на украшения.

— Если бы я мог ответить утвердительно, то все мыслимые и немыслимые награды принадлежали бы нам, — ответил Владимир Федорович. — К сожалению, заменить природные алмазы можно далеко не везде. Буровой инструмент, волокна для производства тончайшей проволоки, инструменты для резки твердых пород камня — все это до сих пор из природных алмазов. Я уж не говорю о резке полупроводниковых материалов, обработке стекла и хрусталя, о доводке и правке шлифовальных кругов — здесь наши алмазы не могут конкурировать с природными. Хотя и такую задачу мы со временем решим!.. Уже сегодня более восьмидесяти процентов всех инструментов — из синтетических алмазов.

— Я знаю, что несколько лет назад коллектив вашего института выступил инициатором движения по оказанию технической и научной помощи промышленным предприятиям. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

— На одном из собраний коммунисты института решили изучить проблему занятости наших со-

трудников. Оказалось, что у инженеров и конструкторов немало свободного времени в течение рабочего дня. Родилось предложение использовать это время для безвозмездного выполнения научно-исследовательских работ по договорам. Сейчас у нас восемь таких договоров, в том числе с «Калибром», «Водоприбором» и другими заводами нашего Дзержинского района. Скажу о главном: аттестация продукции этих предприятий на Знак качества стала возможна во многом лишь благодаря внедрению наших инструментов. Помогли эти инструменты и в сооружении спорткомплекса «Олимпийский». В бетоне и железобетоне нужно было просверлить десятки тысяч отверстий. Применение для этого наших инструментов сэкономило более ста тысяч рублей. О времени я и не говорю...

Потом мы пошли в институтский музей, побывали в лабораториях, и, странное дело, когда мне дали поддержать пригоршню настоящих алмазов, я думал не о перстнях и ожерельях, а о том, сколько буровых коронок или шлифовальных кругов можно изготовить из этих камушков.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЕГКИЕ

Несколько лет назад мне довелось присутствовать на операции, которую делал известный хирург. Он принципиально берется за самые сложные операции. На столе лежал мальчик лет шести. Я стоял на месте анестезиолога — в изголовье и хорошо видел, как профессор в буквальном смысле слова ремонтировал сердце: нужно было вставить искусственный клапан. Профессор разговаривал с ассистентами, даже шутил, работал артистично. Помню, он сказал, что работы здесь еще часа на полтора и потому я могу повстречаться с другими хирургами.

Когда я вернулся, то почувствовал, что в операционной что-то не так. Операция продолжалась, все на своих местах, но... Сопровождающий врач потянул меня к двери, а я, нарушив правило хирурга — не смотреть на лицо больного, — взглянул на мальчишку: белобрысенький, легкие волосики, синеватые губы и крепко сжатые кулачки. Его сердце — в руках хирурга. Машина дышала за мальчика, кровь гнала машина...

Хотя утром мы с профессором условились, что встретимся после операции, наша новая встреча состоялась через неделю: профессор тяжело переживал потерю мальчика. Позже он объяснил, что операция затянулась — вместо двух продолжалась четыре с половиной часа. А это очень плохо, и мальчик умер из-за необратимых изменений в крови.

Тогда я не понял, в чем было дело. И вот сейчас рассказал об этом случае профессору НИИ трансплантологии и искусственных

органов А. А. Писаревскому и научному сотруднику Всесоюзного научно-исследовательского института источников тока З. Р. Каричеву.

— Все ясно, — вздохнул Аверий Александрович. — Длительное искусственное кровообращение сопряжено с риском. Причина трагедии может быть и в том, что применялся контактный оксигенатор. Это аппарат, который обогащает кровь кислородом. До недавнего времени существовали только контактные оксигенаторы, в них кровь имеет прямое соприкосновение с кислородом. Именно это крайне нежелательно! В природе ведь все не так: в легких, где кровь получает кислород, прямого контакта с воздухом нет — кислород поступает через тончайшую стенку альвеол. Так вот, оперировать с контактным аппаратом можно не дольше трех часов, иначе кровь безнадежно травмируется. Как понимаете, над врачами все три часа висел дамоклов меч... Хирурги старались так отточить технику операции, чтобы уложиться в отпущенные им три часа. Но если этого времени не хватало — врач оказывался бессильным. Вы попали как раз на такую операцию. Теперь положение в корне изменилось!

Несколько лет назад наш институт трансплантологии и искусственных органов по инициативе партийной организации начал творческое сотрудничество с ВНИИ источников тока. Почему? Да потому, что врачи зашли в тупик, из которого без помощи инженеров и ученых, работающих в области физики, химии и электроники, никак было не выбраться. С нашей стороны работой руководил член-корреспондент АМН СССР профессор В. И. Шумаков, а со стороны инженеров — член-корреспондент АН СССР Н. С. Лидоренко. Задача сверхсложная: создать искусственное легкое мембранного типа, да еще многократного использования.

Вот оно, это рукотворное «легкое». Прозрачный цилиндр с сотней тончайших мембран. Но как изготовить мембраны? Из какого материала? Как добиться, чтобы газ они пропускали, а жидкость — нет? Как предотвратить необратимые изменения крови, как эта кровь должна обогащаться кислородом без прямого с ним контакта? Через какие трудности прошли, сколько было споров, сколько бессонных ночей?

17 апреля 1978 года профессор Шумаков сделал первую операцию на открытом сердце с применением мембранного оксигенатора. Операция прошла успешно. С тех пор таких операций сделано немало, и вот что самое главное: кровь совершенно не травмируется, и хирург может не поглядывать на часы и спокойно работать столько, сколько понадобится. Как много это значит, знаем только мы, врачи, да, пожалуй, наши бывшие пациенты, которые живут и здравствуют благодаря этим чудо-машинам.

Перспективы у «мембранных легких» огромные, и, может быть, не только в лечении. Но пока говорить обо всех возможностях рано — все равно не поверите и скажете, что это фантастика... Нет, не фантастика! А если и фантасти-

ка, то такая же, какой всего три года назад были вот эти искусственные легкие.

СТРОИТЕЛЬ-ОЛИМПИЕЦ

Сергей Михайлович Новиков предельно скуп на жесты и слова.

— Родом я из крестьян, — рассказывает он. — С Рязанщины. В сорок девятом подался в Москву. Профессию выбирать не приходилось. Сказали: будешь строителем. Я не возражал. Десять месяцев в ФЗУ — и на стройку.

— А что строили?

— Жилье, склады, овощные базы, автокомбинаты... В пятьдесят третьем на два года командировали в Варшаву, ставил Дворец культуры и науки... Потом — опять жилье, склады и базы. В шестьдесят шестом наградили орденом Трудового Красного Знамени, стал лауреатом премии Совета Министров РСФСР, потом присвоили звание «Заслуженный строитель РСФСР», а в прошлом году за сооружение спорткомплекса «Олимпийский» удостоен звания Героя Социалистического Труда. Совсем недавно в моей жизни произошло еще одно важное событие: на Московской городской партийной конференции был избран делегатом XXVI съезда КПСС. Вот и вся анкета.

А потом ходили мы с Сергеем Михайловичем по крытому стадиону, первый бетон в основание которого его бригада заложила 16 апреля 1977 года. Раньше я здесь не бывал, и когда увидел это грандиозное сооружение, то ахнул: длина 225, ширина 183 и высота 44 метра. И никаких опор! Трибуны вмещают тридцать пять тысяч зрителей. Если понадобится, стадион легко разделить пополам звукопроницаемой перегородкой. Так, кстати, и было во время Олимпиады: в одном зале соревновались боксеры, а в другом — баскетболисты.

Сейчас полным ходом идут работы по подготовке специального пола для искусственного льда: нужно сварить многие километры труб, по которым пойдет фреон — он заморозит воду, налитую на тонкий слой пористого бетона. Ледовое поле легко превратить в футбольное — синтетический ковер за считанные часы намораживается прямо на лед.

Рядом со стадионом — плавательный бассейн. Он, кстати, единственный в стране, отвечающий всем олимпийским требованиям. Бассейн уже вошел в историю спорта: во время Олимпиады здесь было установлено 10 мировых, 22 олимпийских, 238 национальных рекордов.

Когда я поинтересовался, как бассейн и стадион используются после Олимпиады, мне сказали, что сейчас здесь занимаются спортсмены сотен коллективов физкультуры, организовано много оздоровительных абонементных групп; тренируются тут и ребята из детских спортивных школ, а также известные всему миру мастера спорта. Спорткомплекс «Олимпийский» работает с семи утра до одиннадцати вечера — ни минуты проста.

...Мы вернулись на стадион. Сергей Михайлович окинул взглядом поле, трибуны:

— А ничего домишко срубили!

Поднимаются новые дома возле спорткомплекса «Олимпийский». * Четверть века существует духовой оркестр районного Дома пионеров и школьников.

Ш Л А В Н Ш

Дмитрий ХОЛЕНДРО

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

7

Был день, когда малярия снова разгулялась вроде палача. Неистощимой дрожью она колотила изнутри, и уже казалось, вытряхнет душу, но, видно, отложила это до другого раза. И утром Романенко опять выскобился до синевы на щеках и стал немилосердно шлепать по ним ладонями через каждые пять минут, чтобы порозоветь к приезду командира полка.

Впрочем, что касалось его батальона, то вернее было сказать, к приходу: сюда не ездили, а едва добивались. И командир полка, довольно грузный, хоть и низенький, майор, добравшись, долго и тяжело отдувался, не глядя в его лицо, и прежде всего спросил:

— Чаю дашь?

Едва не крикнув Марасула, Романенко приказал новому ординарцу побыстрее принести чаю и уже понял, что особенно радоваться не придется. Обычно майор, поручая ему непростые задачи, предупреждал в расчете на ответную мобилизацию: «Радуйся!»

Сейчас, пока его помощники сидели с начальником штаба за картами, готовились к разговору, он хлебал чай и жаловался:

— Дорожка к тебе!

— Лучше не бывает.

— Гиблов место!

«Не сам я себе его выбрал, — горюя, думал Романенко. — Худший кусок подложили мне плавни...» В самом деле, сзади была топь, а перед батальоном на добрый километр растелилась глубокая и голая вода со щеткой выжженного камыша, над которой всю ночь друг за дружкой повисали и таяли осветительные ракеты. Всей жизни, если доведется ее прожить, не хватит на удивление: как Агеев, Марасулов и Пышкин одолели этот океан, проникли в заводь за вражеской дамбой и вывели оттуда лодку. Конечно, дышали сквозь камышины, окунаясь в воду, но сказать-то просто...

Майор напомнил, что комбата еще призовет в политотдел дивизии, пиши объяснение, как погиб его замполит, а оно самое незатейливое: цел тот, кто ничего не делает, а это ведь война, тут нельзя ничего не делать. Он не послал Саню Агеева, но и не остановил его, зато солдаты сейчас не только заклепали кусками меди от снарядных гильз дыры в бортах, но и углем нарисовали на лодке звезду и написали: «Агеев».

А место, конечно, гиблое...

Поэтому наступать начнут километрах в двух севернее, с позиций другого батальона, и еще в нескольких километрах южнее, где плавни, истоющая, подпускали к себе дородную стаю. Ее возьмут соседние части. А его дело — проявлять огневую активность, для чего ему и позволили соорудить плавающую батарею, хотя минометы станут не менее нужны и на суше, ждущей их впереди, потому что пушек туда сразу не подтянешь. Зотову приказать, пусть минометы бережет, пловец! А вообще...

— Активность такая, будто и ты перешел в атаку. Беспреданно кочевать и стрелять. Беглый, беглый, беглый! Для этого рации ему даем. Скажи, чужь ли не сам я приволок! Значит, стрелять так, чтоб без промаха!

— Понятно.

— Вопросы?

— Когда?

Командир полка чуть-чуть развел руками. — Не мы начнем. Мы будем поддерживать. Весь фронт будет поддерживать, чтобы противник не перебросил туда ни дивизии, ни полка, ни роты, ни одного ствола.

Спрашивать — куда, было бесполезно, да майор, возможно, и сам еще не знал, но ведь думать не запретишь себе. В тишине болотных ночей, склоняясь над двухверстками с красными и синими зигзагами, Марат Романенко часто затевал молчаливые военные игры, становился то нашим генералом, а то и генералом противника, ломал голову беспощадно, сам с собой неумолимо спорил...

Однако, когда началось, он честно разжигал себя, признав если и генералом, то куда не годным. Эта точка даже и не обдумывалась им для удара, как самый укрепленный участок у врага и самый раскаленный — там огонь и штурмы не затихали. Левый фланг не только здешнего, а и всего невообразимо длинного фронта, протянувшегося на многие тысячи километров через равнины и возвышенности, города и деревни, от Белого до Черного морей.

Здесь, в конце фронта, стоял Новороссийск. Лучше сказать, лежали его развалины и пепел, каждый день нагревавшийся заново... За Цемесской бухтой, в предместье города, держали свою землю десантники, уже давно приковывая к себе внимание. Они высадились на укрепленный, перенасыщенный огнем, заминированный берег с дерзостью, казавшейся неправдоподобной и выдававшей виды людям. Многие корабли немцу удавалось поджигать минами, снарядами, и черными зимними ночами десантники штурмовали крутые откосы при свете горящих на волне своих же катеров и мотоботов.

Освобожденная земля была малой, ее так и называли — Малая. Немец грозился, что за сутки сбросит малоземельцев в море, а они держались уже почти два третья года. В свое оправдание — об этом еще Саня Агеев ему рассказывал — немец называл их то коммунистами-фанатиками, то трижды моряками, а это были, как писала фронтовая газета, обыкновенные герои, если, конечно, вдруг подумалось Романенко, герои могут быть обыкновенными.

Короче: Малая земля так и висела над корнями голубого «дерева» фашистской обороны занесенным топором. Отчаявшись столкнуть десантников в море и отделаться от топора над собой, немец принялся одевать панцирями дотов развалины у единственной приморской дороги. Всю весну и лето он старательно вращал в землю железом и бетоном, пока не счел здешнюю оборону неприступной.

А именно здесь и началось. Взяв в союзники неожиданность, сюда и ударили «топором» Малой под гром артиллерийских стволов, оживших среди ночи. «Ну, что ж, — сказал бы Колпак, — дерево и ваят с корня... Храмотно». Да не просто это было... но ведь на войне иначе и не бывает! Пулеметные глаза пристально смотрели в узкие прорезы из-под бетонных лбов дотов, так же недремлюще дежурили наготове пушки и танки. Заискрило, загрохотало... На израненные причалы Новороссийского порта тут же высадились новые десанты, чтобы поддержать атаку. Брали не один только город, так начался развал всего каменно-железного кавказского фронта врага, дальним флангом увязшего в плавнях, где ему, Романенко, довелось прожить и весну и лето...

Кровопролитные бои в Новороссийске не прекращались, и, нуждаясь в пополнении, противник потянул туда солдат и огневую силу с других участков Голубой линии, но этого момента ждали, и в дело вступило беспощадное взаимодействие. Плавни заговорили...

Прорыв в плавнях, грозящий захлопнуть дороги отступления с Голубой линии, до сих пор

вроде бы надежной, само собой, панически пугал врага. Плавни широко нависали над этими дорогами, и было понятно, что в страхе перед окружением немец уцепится за свои дамбы не на жизнь, а на смерть. Значит, наступать, драться! А приказ?

Все дни и ночи до этого Зотов мастерил плоты. Бревна к ближней протоке подвезли по одному, связали по три-четыре штуки и, сделав хорошую дугу по воде, а где и перетаскивая их волоком, как предки на древних речных путях перетаскивали суденышки, дотолкали шестами до своих позиций. А уж здесь, заранее подогнанные и размеченные, собрали, усердно пряча в камышах, потому что над плавнями, лишенными зениток, с расвета дотемна или до прилета наших истребителей висели «рамы», фашистские самолеты с раздвоенными фюзеляжами, разведчики-наблюдатели.

На всякий случай, если потопят сейчас или в бою, Зотов приказал длинными бечевками привязать к минометам поплавки от рыбацких сетей. Раскопали их в сарае на колхозном дворе. В случае беды поплавки, темные, пористые, здоровые, как буханки черного хлеба, покажут, откуда доставать минометы.

На «сушках», даже и на тех, что были чуть ли не впритык к своей дамбе, складывали мины. Про запас. Увидев это, Романенко возбуждался:

— Близко! Рассчитывать надо!

— Расчет на то, что вперед пойдем. Убрат?

Разгоняя конвульсии по лицу, Романенко сказал:

— Стреляй, Зотов, чтобы и дышать было некогда.

— Есть!

Среди ночи Лаврухин полушепотом спросил лейтенанта:

— Не спится?

— Откуда взяли?

— Так журили опять! И крутитесь...

— Ничего придумать не могу.

— Наговариваете!

— Не военная косточка...

— А поплавок? Это ж головой надо было сообразить, а для этого голову иметь.

— А это как раз не я...

— А кто?

— Десантники с Малой. Один артиллерист все четыре пушки на берег доставил так.

— Как?

— Ночью, когда подходили к берегу, его мотоботы с пушками потопили снарядами. Огонь сплошной, не прорваться. Но этот командир ко всем пушкам заранее велел привязать поплавки, и утром — на тебе, плавают, голубчики, и показывают, где пушки, — вынимай! И достали всю батарею со дна морского. Целую!

— Е-моё! Вот это командир!

— А я лежу и думаю, — вздохнул Зотов, — немец будет стараться съечь нас, потопить, заставить заткнуться...

— Закон боя.

— А мы не имеем права погибать, Лаврухин. Позже — тоже не хочется, конечно, но ладно уж, черт возьми! А здесь, в плавнях, не имеем!

— Еще б! Главная мощь батальона.

— Не главная. Единственная... Не имеем права погибать, — с досадой повторил Зотов. — Такой пустяк!

— Е-моё! Если б кто изобрел, как уцелеть на войне, ему б за этот пустяк отлили памятник из чистого золота, я думаю...

Асю за эти дни он видел один раз. Случайно или нет, но она вдруг появилась за спиной, и он почувствовал это.

— Вам чего, Панкова? — оглянувшись, спросил ее при солдатах, а потом подступил помятым кочкам. — Ася! Тебе чего?

Она смотрела на него так, точно подошла лишь для того, чтобы услышать, как он назовет ее. И все.

— Ничего.

— Но ты тут зачем?

— Я? Мимо.

Ни слова не сказав больше, она пошла, улыбаясь. Ася улыбалась. Небывало! Он вернулся к своим, а когда вновь искал ее глазами, чтобы еще раз, хоть вскользь, увидеть в камышах узенькую талию, перехваченную чересчур широким для нее ремнем, увидел одни камыши.

8

Как всегда, рыжая луна всплыла над плавнями и покатила бездонным шаром, разбрасывая отражения, когда батальон открыл огонь, проявляя свою активность. Судьба! Романенко матерился...

Уже гремело с севера и с юга. Барабанным стуками там пулеметы. Гул множился и разрастался, вода, как особое зеркало, отражала звуки ярче земли. Там, верно, уже брались за шаткие камышовые плотки и за лодки, а ему только стрелять... Стреляли много — и мы, и немец отвечал, такой огонь вели, что даже комары исчезли от страха.

Зотов выбрал себе наблюдательный пункт неподалеку от Романенко и руководил стрельбой по радио. С треском рвалась тьма, и выстрелы неизбежно вырисовывали на полотнище ночи схемы обеих оборон. Пулеметы обнажили свои убежища, и, пользуясь этим, Зотов старался накрыть их. Хоть и не кричал, а охрип, без конца повторяя:

— Беглый огонь!

А может быть, и кричал невольно.

Понятно, обнажали себя и его минометчики, и все ближе к ним падали вражеские мины, визжа и роя воду со свиньячим упорством. Но пловцов там уже не было. Определяя быстроту чужой реакции как бы интуитивно, а не по хронометру, Зотов опережал врага, успевал убирать свои захлестанные водой плоты. Кочуя, его минометы оживали в новом месте и опять ускользали раньше, чем на них обрушивался ворох чужих мин. Приловчился. И еще капелюшку везло, должно быть.

И еще, как он ни хрипел в ночной беседе с Лаврухиным, за жадной победы смущенно пряталось самое простое желание — жить после всех этих гиблых мест.

Лодка «Агеев» металась по плавням, подвозя мины к плотам, и треск ее мотора глож в неумолчной пальбе. Какой урожай с обеих сторон все время собирала смерть, не остывая на лету! Четыре огневые точки на той дамбе, по крайней мере половина из открывших себя за ночь, замолчали от наших мин, может, и навсегда, и рация Романенко доложила об ослаблении огня командиру полка, бывшему в соседнем батальоне, а он похвалил всех и передал, что лично Зотову объявляет благодарность. И весь сказ.

Не дождавшись ничего определеннее и прибегая к плохо маскирующему открытую речь словесному камуфляжу, Романенко спросил, может ли он выступить на собрании, потому что ему, кажется, есть что сказать. Он просил разрешения на атаку, уверяя, что у него «все обдуманно для речи», то есть имеются плотки, заготовленные для переправы, а майор ответил, что «аплодировать будет некому», что значило: для развития атаки нет резерва, уже приданного другим.

Было это перед самым рассветом, когда стрельба вынужденно поутихла, остывало оружие и люди передыхали. А Романенко нервничал. Зотов поделился с комбатом новым решением — раздвоить свою роту, половину оставить в камышах, а другую подтянуть почти к открытой воде. Тогда разным взводам можно будет вести огонь из разных мест и в разное время, прикрывая друг друга. А немца свяжет эта, как сказал лейтенант, новая метода.

Романенко махнул рукой, даже забыв передать ему благодарность от командира полка. Если бы атака! Пригодилась бы и «метода».

— Отдохни.

Но с отдыхом ничего не вышло. На этот раз первым открыл огонь противник, еще раз доказав, что на его дамбе действует не три пулемета меньше. А четвертый либо заменили, либо починили, но он очнулся. Чуть раньше

ожили наш север и юг, там продолжалась попытка продвинуться, чего не удалось в минувшую ночь. И гиблое место тоже застрочило, забухало. Зотов поступил, как сказал комбат, и это пока придавило вражеские минометы, будто непрерывной хваткой схватили крикунов за горло.

Так прожили еще день и еще вечер. За полночь на дамбе, за разливом, капитально умолкли еще два пулемета. То ли их достали зотовские мины, думал Романенко, то ли их сняли для Новороссийска, такого далекого и близкого. Через бездорожные плавни, через воду надо было идти, идти, чтобы поддержать этим новоросийцев, пробивших первые бреши в фашистской обороне, и самим выбраться наконец из гнилых топей.

А слева и справа вторую ночь грохотало все на том же месте. Противник ухватился за свои дамбы цепко.

И прошли еще утро и день, и лишь к новому вечеру Романенко по радио принял от командира полка пароль атаки и открытый текст — жди! Понятно. Чей-то резерв, уже, наверно, тронувшийся сюда по воде, передавался ему. Только он выпрямился, чтобы позвать Зотова, как тот сам возник и выдохнул:

— Агеев погиб!

— Как-нибудь это уже не новость! — обозленно отозвался Романенко. — Ты в себе?

— Лодка! — поправился лейтенант.

И Романенко чуть за голову не схватился. Лодка, доставлявшая мины к плавающим минометам, легко и быстро находившая их в камышах, так и летавшая на своем подвесном моторе... Нет ее! Он еще переживал удар, как будто в него самого попало, а мысли уже искали замену. Каждый бой — это всегда еще и поиск замены: человеку, оружию, замыслу...

Ну, лейтенант, как нарочно, выбрал подходящую минуту для своего веселого сообщения! («Сволочь какая!») Но в бою многое случается как нарочно, и, слушая Зотова, предлагавшего пока заменить лодку камышовыми плотками, Романенко потребовал немедленной связи с командиром полка, чтобы известить его об этой потере. Операция в гиблом месте уже перерастала масштабы батальона. Командир полка должен знать...

Между тем лейтенант говорил не только о плотках, но просил и людей, у него были убитые и раненные. Хорошо еще, что минные склады покуда не взорвались!

— Ты счастливчик, Зотов! — сказал капитан, как на Протоке. — Хоть с минами у тебя в порядке!

Однако и с минами порядок был неполный. Запасы истощались. От них скоро ничего не останется, если вот так и толкаться на одном месте, проявляя лишь огневую активность. И плоты угробят! Немец при любой возможности все усиленнее бил по воде, расшвыривая мины и явно охотясь за плотами, о существовании которых догадался по быстрой и частой перемене огневых. Вдруг лейтенант сказал, что сам сожжет свою батарею. Так и сказал. Оказывается, он с утра приказал вязать ложные плоты из полусгнивших бревен и досок-подстилок, еще державшихся на старых позициях, на брошенных «сушках», и теперь предупреждал комбата:

— Будем взрываться и гореть для немца, не пугайтесь.

К ложным плотам привязали толовые шашки, чтобы взорвать в нужный момент. Нет, этот лейтенант не только счастливчик, но и не совсем пустая голова...

Что же так долго ползет резерв? Где он?

Уходя в темень и тишь укрытий, минометчики взорвали покуда три ложных плота. Пламя осыпало искрами сухие поросли и по-заячьему дрожало на воде. Четвертый бессмысленными чурками и щепками рассыпался над камышами от чужой мины раньше, чем его взорвали свои, и унес еще две жизни, так и не дождавшись твердого берега.

Там, на вражьей дамбе, похоже, всерьез поверили, что разделились с нашими минометами. И уже не искали их. А они выводились почти к открытой воде, чтобы пересечь ее вслед за пехотой, готовившейся к своей необычной атаке, — по два человека на шатком плотике, и шест сначала у того, кто посылней.

Наконец командир полка сквозь камыш сам привел свежий батальон на баркасах, обло-

женных камышовыми дорожками, которые саперы называли штурмовыми мостиками, их раскатывали по воде, а пока они были свернуты... Майор вызвал лейтенанта Зотова и отдал ему свою лодку для подвозки мин к плотам с минометами. Был он утомлен теми бессонными ночами, в которые пока не удалось выйти из плавней, и хотя сказал, чтобы лейтенант вертел в своей гимнастерке дырку для ордена за плавающую батарею, был при этом чересчур угрюм.

Зотов же подумал, что до рассвета пехота может овладеть злополучной дамбой, которая намозолила глаза за весну и лето, темнея под солнцем и тая в ночах и туманах, и минометчики тоже наконец ступят на эту дамбу, догнав свою пехоту, и тогда он увидит Асю... «Только бы она была жива после атаки, только бы...».

Немец затих. Похоже, уверенный в своей безопасности, решил отоспаться за предыдущие ночи и даже не пускал осветительных ракет. А плотки уже пошли в тишине... Минометы помалкивали, будто их, и правда, не осталось в живых. Плотки прошли больше половины своего пути, когда с дамбы, к которой они приближались, суматошно взметнулась первая ракета, и раньше, чем ее шипение стало светом, Зотов выпустил свою красивую ракету — сигнал того, что минометчикам, напряженно ждавшим этого, хватит держать мины на весу, а можно опускать их в трубы.

Все было настолько неурочно для врага, что он никак не мог опомниться. А плотки, возникшая в блеске разрывов, уже касались далекой дамбы. Они как бы плясали на воде, и Зотов понял, что это вражеские разрывы разболтали ночную воду, и стрелял, стрелял по далеким зарницам, а голос Романенко сласто ругался в радиотреске и требовал: «Огня! Еще огня! Та-та-та!» И это относилось и к Зотову и к тяжелым минометам, которые прибыли с резервом, заняли «сушки», отмеченные на карте как пригодные, и уже стреляли, вздыхая гулко. Голос Романенко вовсе отлетел, замолчал и вдруг прорезался донельзя искаженным и доложил комполка, что почти весь батальон уже на дамбе. И он сам на дамбе.

Туда сейчас же ушла новая волна людей на баркасах, которые скоро вернулись и еще взяли солдат.

Все произошло, казалось, легче, чем ждали. Может, просто немец понес ноги со своей дамбы, потому что южные части уже ворвались в станицу? Но скоро узнали, что отчаянным контрударом фашисты вытеснили их из станицы. А потом, когда минометчики, пересекая разлив, шестами отталкивали и отталкивали от себя пустые плотки, поняли, скольких гиблое место навек взяло себе. На этой короткой, в сущности, дороге. И раньше чем подошли к дамбе, сами оставили под водой один свой расчет.

Пехота беспрерывно просила по радио огня, и Зотов развернул два своих «боевых корабля», чтобы отозваться не словами. Стреляли долго. Голодные минометчики даже шутили, что скоро кишки к спине приклеятся. В шумном гуле боя долетел залп шестиствольного миномета, клокоча над водой взвизгивающим хохотом, и один из плотов исчез в разрыве, и... ни людей, ни миномета, ни поплавок. Зотов видел, как метра в двадцати от него из воды вынырнул горящий обломок бревна, он еще плыл стоймя.

Завтракали на вражеской дамбе. Друг на дружке лежали тут мертвые в гимнастерках, поблекших от солнца и воды, и в мундирах. В общем навалел тел под грузом соседей у кого-то вскинулась рука, а то и две, будто схватка продолжалась.

Ротный старшина, догнавший с сухим пайком, кормил людей ветчиной, казавшейся на редкость вкусной. На карте, которую Зотов изучал за завтраком, белые пятна земли еще усатились голубой штриховкой. До Темрюка земля была в голубых сетях. И Зотов решил пока не расставаться с плотами, как с транспортом хотя бы, чтобы не тащить минометы на своих спинах. Дожевывая, солдаты невольно растягивались на земле. Надо поднимать, а то заснут! Однако и сам положил под грудь свернутую плащ-палатку и уронил голову на согнутые руки лбом — минуту, даже меньше!



...— И откуда у крохи силы?

— Волокет кого-то... Впряглась лошадкой.

— Е-моё! Это ж Ася! Встали, раз-два!

Лишь при слове «Ася» лейтенант тяжело поднял голову и рывком разорвал железный шов, сомкнувший глаза.

Всунувшись в петлю и падая вперед всем телом, казавшимся отсюда игрушечным, Ася тянула свой груз, держась ближе к краю дамбы, где земля была мокрее и тяжесть поддавалась послушной. Лаврухин и еще два солдата приближались к Асе. Скорее! Наконец Лаврухин сменил ее в петле, а двое взялись за тужи по сторонам.

В лодке-волокуше, сколоченной из досок и очень похожей, честно говоря, на гроб, лежал один раненый, а на плащ-палатке другой, покрупнее. Связав веревочный тяж с углом плащ-палатки, Ася и тянула. Ее с санитаром Малаховым военфельдшер оставил, оказыва-ется, пройтись по дамбе и проверить лежавших: у нее было особое чутье на еще живых. Вот, одного нашла...

— А второй? — спросил Зотов.

На плащ-палатке лежал сам Малахов, он давно был ранен, но еще носил других, пока не свалился. Они повезли Асю и раненых на своем плоту через воду за дамбой, и пока плыли, Зотов сообразил и скомандовал:

— Старшина! Накормить санинструктора!

Запомнилось, с какой охотой Ася ела, распуская ветчину на длинные нити...

За водой, на берегу, открылась палатка с красным крестом.

9

Плавни кончались неуступчиво и непуतेво. Только покажется крошечная равнинка вроде поля, как она уже в грязь истоптана пехтурой, торопившейся к станице. Романенко подошел к последнему хутору перед станицей и потребовал огня. А минометчики как раз вливали в озеро. Ну что ж... Еще раз с воды.

Озеро густо облепила камыш, по одну руку стоял камыш, а по другую торопливо, как на водопой, сбегала дорога через прибрежную лужайку, похожую на сельский пляж. Может быть, когда на земле была мирная жизнь, сюда прибегали купаться из хутора.

Едва открыли огонь, немец огрызнулся. Серия ответных мин никого не убила, но смах-

нула в воду весь расчет Лаврухина и оставила на мутной поверхности озера, близ камышей, неподвижный поплавок, туго натянувший бечеву. Это было так обидно, что Лаврухин, оглохший от взрыва, орал, утешая:

— Е-моё! Достанем, лейтенант!

Станица прижималась к морскому лиману, вытянутому горловиной к шуму волн. Из плавней подошло немалое войско, но с небольшим огневым запасом, и бой из-за этого никак не мог набрать стремительной силы... На вторые сутки взяли наконец станицу, и в ней пахло морем, а над крышами полуразбитых хат, легко пронзая воздух острыми крыльями, реяли чайки. Они голосисто кричали о каких-то своих птичьих заботах, а думалось, что приветствовали жителей, возвращавшихся к полусгоревшим ступеням, по которым когда-то с утра до вечера бегала детвора.

Колыбели, превращенные нуждой в тележки с самодельными колесами, тачки, повозки, запряженные счастливыми женщинами с измученными глазами и беззубо улыбающимися стариками, — все это катилось из камышей к станице. Визг колес, постоянный и несмываемый здесь от сырости, не обрывался...

Набившись в станичные хаты раньше хозяев, солдаты валились с ног и, как самые недолгие гости, засыпали на полу, забыв поесть. Во всех этих, некогда построенных для человеческого счастья домах, а теперь полудомов не было никаких постелей, и солдаты по опыту первобытной дщроты, заложенной в их военном быте, помогали товарищам устраиваться поудобнее, вместо подушек подставляя друг другу плечи, животы, локти и колени.

Очнувшись от прикосновения первой капли света, Зотов вскинулся, с оглядкой освободил свои руки и ноги из объятий других минометчиков, разыскал и принял будить Лаврухина. Хоть стреляй над ухом! Сердиться начал, тут же остановив себя, однако, простой истиной. Люди привикли, поначалу безрассудно, подчиняться кивком. Ее не было, а на такие вот толчки и подергивания после целого лета в гнилом месте грех обращать внимание.

Наконец Лаврухин разлепил глаза, точно это было трудней всего на белом свете, и отполз к стене, у которой кучей лежали сапоги. Зотов шепотом, до смешного ненужным в этой обители солдатского сна, спросил, бу-

диль ли еще кого или попробуют вытащить миномет вдвоем.

— Попробуем, — ответил Лаврухин, оканчивая возню с портянками и зевая.

— Асю не видели случайно? — вдруг спросил Зотов на улице.

— Как же! — весело удивился спутник. — Я вчера им в санчасти колпаковскую гильзу за-жигал. Горит, что тебе электрo! Показать вам, какой дом? Здесь!

И Лаврухин остановился возле дома, мимо которого едва не проскочили с разбега. Он был такой и не такой, как все, этот дом. В нем спала Ася.

— Тихо, — сказал Зотов.

— Которые нормальные, те спят, — ответил Лаврухин.

Километра два пустой земли до озера, сплошь в печатях, чуть ли не вплотную поставленных на грязь каблучками, пересекли незаметно. Озеро натянулось, как выглаженный от морщинок лист станиоля, который мальчишки, слопав шоколадную конфету, утюжили обычно о край стола.

— Раздвигаться? — без надежды на помилование спросил Лаврухин, остановившись на берегу.

Зотов, улыбаясь, расстегнул на себе гимнастерку.

Поплавок был цел, сразу показал, где их клад. Самоварную трубу миномета достали, всего два раза нырнув в прохладную воду, во-все не такую уж страшную, какой она была на вид, неживая в эту безветренную минуту. А двухпудовая плита не давалась. Ее уже обволокло скользкой тиной и засосало так, что не оторвешь. А глубина! Голова Зотова еще выглядывала из воды, а Лаврухин держался за его плечо. Пыхтели, задыхались, а все без толку. Миномет же мог потребоваться в бою сегодня...

— Без коня не выудим! — заладил Лаврухин. — Ступайте за конем. Или пошлите — я сбегая, товарищ лейтенант.

Сначала Зотов пропускал его хитрые советы мимо ушей, а потом, отфыркиваясь от капель на губах, велел:

— Ну, тогда просите подводу. На ней и миномет привезем.

За ночь подтянулся обоз. Когда они вышли из хаты, кухни уже дымили, повара закладывали завтрак для еще спавших солдат.

— Может, сами, товарищ лейтенант?
— Бегите, Лаврухин.

Тот камыш, из которого выбрались войска, солнце уже наращивало острыми лучами, взброс летящими по всему небу. Станиоль озера заблестел. Зотов натянул кальсоны, повернул их выше колен и, как в трусах, присел на траву, глядя туда, где было гиблое место. Было приятно просто так сидеть и ждать солнца.

Жизнь его складывалась необыкновенно. Сейчас достанут миномет и через несколько дней войдут в Темрюк, которого месяц назад достигало лишь воображение. На войне даже воображение обкрадывается чересчур жесткими границами, а теперь ему уже поддавался заболотный простор. Черное море, крымские курортные города, которые почему-то все были на одно цветущее лицо, а там — Севастополь.

Зотов не старался представить себе этот город, потому что на самом деле все равно все будет лучше. Он любил фантазировать, доверял даже буйным вымыслам, но возникали случаи, когда не оспаривал у жизни права делать по-своему. И лучше. Пусть и разрушенный, Севастополь был невообразимый. Нарисовать себе его — это все равно, что пытаться представить, какие испытания переносит во время войны солдат. Сколько ни усердствуй, а от правды будешь далеко. Он, солдат, выносил и невообразимое, да столько, что ни один святой вынести не смог бы, застонал бы давно: сдаюсь! А твоя жизнь шла рядом с солдатской и была почти такой же. И поэтому ты можешь благодарить судьбу, Паша. Тебе не придется укорять себя.

Солнце показало верхний край из-за земли, и утро сразу распахнулось во всей своей полноте. И тут же подумалось, что это не утро, не земля, а жизнь распаивалась во всей своей полноте, и всему причиной была Ася. Она делала его сильнее, а значит, счастливее.

Когда окончится война, он что-нибудь необыкновенное придумает для нее. А что? Вишню будет рвать с верхних веток, он же длинный...

Он сидел, будто в детстве, у солнечной воды. Отражения облаков, тронувшихся с рассветом в свой далекий путь, завалили озеро, как в детстве заваливали реку. Зотов улыбнулся сам себе и в том конце озера, откуда никого не ждал, услышал людскую речь. Глянул туда, соображая, что речь-то немецкая. Три фигуры, выбравшись из камышей, стояли в воде по пояс и держали руки на автоматах, висевших на шеях. Солнце било им в затылки и улетало, проскальзывая сквозь небритую щетину на щеках, казавшуюся от этого света одинаково рыжей. Автоматы повернулись к нему. Зотов подумал: немцы, отставшие от своих, конечно, ищут, кому бы сдать в плен.

Но сейчас же отменил это. Они могли вовсе и не искать, кому сдаться, а всего-навсего пробирались через плавни, догоняли своих. Зотов упал на бок и вытянул руку за автоматом, он помнил о быстроте, но раньше, чем он дотянулся, автоматы на чужих шеях захлестали обжигающим огнем...

Станица пробуждалась меж тем.

Верно, на всю жизнь запомнят местные, как началось у них это утро. Солнечный восход встретили два гармониста. И пошли навстречу друг другу, совершая по пути стихийную побудку. Даже те, кто выскакивал на ступени обгорелых крылец, чтобы поругаться, ахали и спешили обмундироваться, заодно будя остальных.

Разгневанного комбата тоже вынесло на крыльцо сказать два своих слова, но люди, вылезшие из хат, так и не узнали, что думает он о сне и музыке. Оба гармониста, шедшие по станице с разных сторон, встретились у его крыльца. Ординарец уже держал гимнастерку и сапоги комбата. Натянув их на себя и огладив нерасчесанные черные волосы, Романенко сошел с крыльца, невольно посмотрел под ноги и почти неверяще крикнул:

— Земля, ребята, земля!

И притопнул по ней ногой, точно проверяя, не обман ли это.

А через минуту чуть ли не вся станица плясала. Среди пепелищ, развалин и нескольких уцелевших хат она била башмаками, сапогами и голыми подошвами в землю. Гармонисты шпарили в лад, потом, давая передохнуть

друг другу, по очереди, а пляска все не кончалась. Куда там! Плясали, не останавливаясь и не заботясь о гармонистах.

Солдаты, затеяв переплясы с девушками и женщинами, нащепывали себя ладонями по коленям и груди. И, конечно, безобидно отесняли местных дядек и подростков, да все с усмешкой, а то и смехом, летавшим по площади из края в край. Были, правда, тут и серьезные плясуны, вроде Веника, военфельдшера-усаца, который и так и этак обхаживал дородную свою партнершу в клетчатой кофте, вот-вот обнимет, а та ему не поддавалась, увиливала, прошмыгивала, пока, умаявшись, не поцеловала в пушистые усы, закричав:

— А мягкие-то!

Дядьки, уступив в пляске солдатам, тем не менее выкругляли грудь колесом, выставлялись, показывая богатырскую сечу и рубя на скаку.

Музыканты, доказав, что руки слабее ног, опускали гармони, но толпа все одно плясала. Лучше всех было дедку, который вприсядку вертелся вокруг самого себя с балалайкой, треща на одной-единственной струне, прыгающей под его морщинистыми пальцами.

Взяв подводу, Лаврухин подъехал к площади, чтобы найти Асю и предложить езду на озеро, к лейтенанту. Слух шел, что войскам из плавней дают сутки на отдых в станице, пока подтянутся артиллерия и боезапас. Лаврухин спрыгнул с подводы, и его сразу закружило, вот и он уже взмахивал толстыми руками по бокам круглого тела, рассыпая мелкую дробь подметками. Только глаза помнили об Асе, высматривали и не находили ее.

Ася стояла на другом краю площади, за мелькающей толпой, и тоже искала глазами. Лейтенанта Зотова, Пашу. А перед ней, весь напряженный, с азартной статью и повадкой, встряхивая черными кудрями, вышагивал Романенко, притоптывая ногою и приговаривая все громче:

— Я тебе обещал! Пляши!

Здесь ее и нашел Лаврухин, и не испугался поспорничать в пляске с самым капитаном, и на каком-то повороте, оказавшись с Асей лицом к лицу, сказал, что сейчас едет к лейтенанту. Она обрадовалась, хотя еще вчера знала, что он жив, его видели в станице, а больше ей ничего не надо было. Она и вчера и сейчас на подводе удивленно не понимала того чувства, в которое не верила, а оно было. Он, Зотов, поселился в ней. Не в голове, не в сердце, а в каждой клетке. Сейчас она его увидит.

Когда подъехали, Зотов съехал на зеленой траве, едва начавшей выцветать с верхушек, спиной к минометной трубе, а неживым лицом к ним. И рука была протянута к ним. А под грудью насочилась темная кровь.

— Е-мое! — без голоса протянул Лаврухин.

— Паша! — закричала Ася, как она всего раза три успела назвать его, живого, а теперь повторяла: — Паша! Паша!

Она припала к нему, обхватив окровавленную спину, прижимаясь к ней и к груди то одним ухом, то другим, и не веря, что сердца его совсем не слышно.

— Па-а-аша-а!

Что же это? Лучше бы ее убили. Как же она будет жить? Сегодня, завтра? «Лучше бы меня! Лучше бы меня...»

Она долго не могла шевельнуться, прильнув к нему, а потом помогла Лаврухину положить его на подводу, заваленную камышом. Она ни о чем не спрашивала, хотя ничего не понимала. Так и не сказала ни слова, и Лаврухин молчал, только одно колесо скрипело, а остальные вили.

Вот гармони донесли до слуха, и Лаврухин спросил:

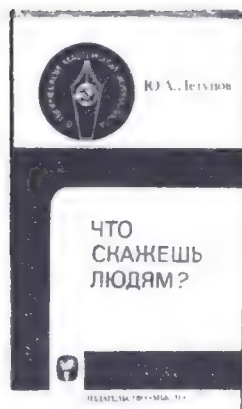
— Накрывать плащ-палаткой?

Она не ответила, и он накрыв. Под плащ-палаткой исчезли босые ноги, и Ася ухватилась за переваливающийся угол подводы, чтобы удержаться.

— Паша! — заплакала наконец она, слезы появились на ее голубых глазах.

Долетело, как ноги пляшущих били по земле. Этого не слышал только он один, хотя станица становилась все ближе и земля, что называется, гудела. Еще бы! Она была твердой.

ПОИСК И ТВОРЧЕСТВО



Название книги известного теле-радиожурналиста, лауреата Государственной премии Ю. Летунова — название обязывающее. Оно воспринимается как заявка человека, которому есть что рассказать.

Это действительно так. Ю. Летунову удалось сказать свое слово прежде всего в практической журналистской работе. Первый радиореporter космической темы, один из создателей радиопрограммы «Маяк», телепередачи «Время», он обрел богатый и ценный опыт. И не может не поделиться наблюдениями, находками, мыслями.

Тематически новая книга является продолжением изданных несколько лет назад очерков Ю. Летунова «Время. Люди. Микрофон». Автор углубляет и дополняет рассказ о том, как и во имя чего работает советский журналист.

Главный предмет разговора — обретение мастерства. Мастерами в журналистике не рождаются, а становятся, пройдя через испытания нелегким трудом, сомнениями, неудачами. Тут, по признанию автора, нужен не только талант, но и гражданская позиция, жизненный опыт и разносторонние знания.

Диапазон разговора с читателем достаточно широк. Ю. Летунов пишет о годах ученичества, командировках, ответственных репортерских заданиях и, наконец, о работах организатора редакционного коллектива. Разговор этот насыщен раздумьями о призвании и долге журналиста, о специфике работы на радио и телевидении.

Книга построена на фактах реальной действительности с ее буднями и праздниками, увиденными глазами репортера. И в этом смысле журналистика служит средством увлекательного исследования жизни, создает по крупницам летопись времени.

Обратимся, например, к главе «Космодром». Здесь даже с точки зрения чистой информации необыкновенно интересно все, что связано с подготовкой космических полетов, личностью Главного конструктора, встречами с космонавтами. С немалым интересом мы следим и за тем, как рождалось, например, интервью с Валентиной Терешковой.

Глава «Время» посвящена телевидению и представляет собой признание в любви. Кому же? Телетворчеству. «Для меня телевидение — это прекрасное сочетание радио, газеты, кино, театра и перевоплощение их в нечто новое, впечатляющее». И далее — интересный рассказ о создании самой популярной программы телевидения — «Время». Тут мы получаем информацию, как говорится, из первых рук.

Книга Ю. Летунова предельно искренна. Да и как иначе, если в основе ее, повторяю, собственная журналистская судьба автора? Но личное отношение может быть выражено с разной долей откровенности. Ю. Летунову верится. А потому закономерно возникает уважение к делу, которым занимается автор.

Коллеги Ю. Летунова найдут в его книге полезный для себя опыт, советы и рекомендации. Читатели, проникнув в тайну чужой профессии, еще раз убедятся, что успех любого дела зависит от мастерства его исполнения. А мастерство рождается по общим неписанным законам — в труде, в поиске, в творчестве.

Л. ЖЕЛНИНА

Ю. А. Летунов. Что скажешь людям? М., «Мысль», 1980, 192 стр.

ПОРА БАГУЛЬНИКА



Василий НАГАЙ

ОПЯТЬ ВЕСНА...

Опять весна, все залито водою.
Бегут ручьи, веревки круто выют.
У кузницы, что сразу под горою,
Они подковой звонкою сверкнут.
Бегут ручьи напористо и рьяно:
Журчанье, бормотание и плеск.
И в борозду из борозды стеклянню
Они переливают солнца блеск.
Опять весна. И в каждом уголке
Движение — и здесь и далеко,
И небо пробуют на вкус листочки
Зеленовато-синим языком.
Поют ветра в отверстиях скворечен,
Летят ручьи, летят. Опять весна!
Снега уходят пенно, постепенно,
И расправляет зубья борова.
Бреду в село стерней неторопливо,
Все развезло — дороги и поля.

Впервые, может, четко так и живо
Я чувствую, как тяжела земля.

ПОРА БАГУЛЬНИКА

Над серой чашей котлована —
Лиловый медленный рассвет.
На скалах, на металле кранов
Сквозящей изморози цвет.
По окнам, по березам белым
Лиловый цвет вокруг, кругом.
И все как будто бы робело
Перед нашествием его.
И лил он в щели старых блоков,
Где скальное мы чистим дно.
Всю смену на щите широком
Идет двухцветное кино.
Стоят девчата-строповицы,
Как в окружении жар-птиц.
Еловы иглы, что ресницы,
Опущены стыдливо ниц.
Лиловый цвет. Такой несносный,
Глаза и то задел слегка...
Цветет багульник на насосной
В бутылке из-под молока.

ПИСЬМА

Ей письма с фронта шли от сына...
Я помню каждый их листок.
Писал он кучно, некрасиво,
все буквы чуть наискосок.
Получит весточку — как рада!
От счастья в комнате тесно.
Меня зовет (мы жили рядом)
читать желанное письмо.
Послушает и вновь заставит
перечитать письма листок.
Сухой ладонью нежно гладит,
волнуясь, сиротливый стол.
Потом — так каждый раз бывало —
меня проводит за порог.
«Спасибо», — вымолвит устало
и даст с капустою пирог.
И брать его мне было горько,
и странно отказаться мне...
Клала от сына письма стопкой
она, как помню, на окне.

Потом... По многу раз у хаты
я проходил с толпой ребят,
надеясь: может, как когда-то,
поκληчет вновь письмо читать...
Как мог я не заметить только,
что на окне безмолвном том
уж не росла тех писем стопка,
перепоясанных шнурком.

ДОЧКА

Вот и сегодня — ты прости мне, дочка, —
домой с работы поздно прихожу.
Свет не включая, в дальнем уголке
тебя я по дыханью нахожу.
Разбросано зеленое монисто,
уснуло тоже, тихо и светло.
И мир таким мне показался чистым,
как вымытое ливнями стекло.
Набегалась за день. Растет невеста!
Калачиком свернулась. Бог ты мой,
как мало в мире заняла ты места!
А мир такой большой и не простой,
и неустойчив: то цветы, то пушки,
то весен гул, то самолетов гром.
Пять пальчиков на крохотной подушке —
как пять вишневых нежных лепестков.
...Бегут минуты долго, молчаливо.
Ее сердечко — долька моего —
так трепетно стучит и торопливо...
Спокойно мне и страшно за него.

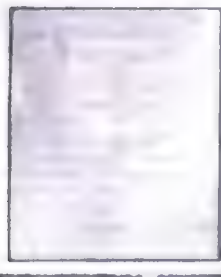
ПЛОЩАДЬ СТРОИТЕЛЕЙ

Тайга, тайга... Заснеженные сопки.
И площадь эта, первая моя.
Отсюда вижу я дороги стройки,
плотину, енисейские края.
От этой площади берут начало
всех наших песен добрые слова,
огни костров, палатки и вокзалы
и далее бесконечных синева.
На нашей площади легко и звонко
стучат шаги. Слышны за полверсты...
Такой, наверно, звук бывает только
у той земли, что переделал ты.

Саяногорск
Красноярского края.

ЛЕНИНСКОЕ ОБРАЗНОЕ СЛОВО

ЗНАНИЕ



А. М. Жигулев. Сила образного слова (крылатые слова, пословицы и поговорки в выступлениях В. И. Ленина). М., «Знание», 96 стр.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» указывается на необходимость усилить разработку актуальных проблем идеологической работы. Книга доцента, кандидата филологических наук А. М. Жигулева «Сила образного слова» принадлежит к такому типу научных исследований. В ней проанализирован и обобщен огромный опыт В. И. Ленина, его соратников и учеников по применению образного слова в идеологической работе. Она открывается удачно подобранным автором ленинским эпиграфом: «Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений», — прямо перекликающимся с названием и содержанием книги.

Автор рассматривает в ней многочисленные образные выражения, использованные В. И. Лениным в устных выступлениях и в литературных произведениях. К ним прежде всего относятся высказывания основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса. Автор показывает, что в основе всех выступлений В. И. Ленина перед народом лежит принцип: «Максимум марксизма — макси-

мум популярности и простоты» — принцип, сделавший его непревзойденным оратором, пламенным пропагандистом и агитатором, изумительным мастером слова. Яркие литературные образы, крылатые слова, народные пословицы и поговорки В. И. Ленин употреблял для глубоко содержательного разъяснения существа обсуждаемого или исследуемого вопроса. Ленинское образное слово дает пищу воображению, заставляет думать, помогает ярче и глубже проникнуть в его гениальные мысли.

Один из разделов книги посвящен многим сказанным или написанным Владимиром Ильичем метким словам и фразам, ставшим крылатыми. Они всегда конкретны, потому что навеяны духом времени и тесно связаны с историей Коммунистической партии, с историей развития Советского государства.

Стали образными такие ленинские выражения, как «Учение Маркса асесильно, потому что оно верно», «Без революционной теории не может быть и революционного движения», «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», «Социализм — это учет», «Коммунизм есть Советская власть, плюс электрификация всей страны», «Профсоюзы — школа комму-

низма» и многие другие, которые прочно вошли в наш язык. Почти все чеканные формулировки Ленина устремлены в будущее. Они научно обоснованы, проверены жизнью. Некоторые из них стали лозунгами нашей Коммунистической партии.

Заканчивается книга разделом, посвященным соратникам и ученикам В. И. Ленина. Его традицию использования образных выражений продолжили многие ораторы ленинской школы. Обращаясь к народу, они всегда находили возможность привести крылатое слово, проиллюстрировать мысль ярким образом, сослаться на меткую пословицу, подкрепить ее цитатой из литературного произведения.

Работа А. М. Жигулева подкупает своей документальностью и точностью аргументации, сочетающимися с публицистичностью и эмоциональностью языка.

И хотя она в первую очередь обращена к бойцам нашего идеологического фронта — лекторам, пропагандистам, агитаторам, но, безусловно, представляет большой интерес и для широкого круга читателей.

П. ГУСЬКОВ

Юрий ЛУШИН

Фото автора

Земля медленно поворачивала к солнцу свой остывший за ночь бок. Начинаясь рассвет, а снег все шел, не кончался и клубился снежным туманом. Чабан Мохамедкарим Ауэлибеков вышел из дома, мрачно посмотрел на небо, погрозил ему кулаком и, проваливаясь в сугробы, побрел к кошару. Природа словно забыла, что шел уже март — начало расцвета весны в пустыне, что стосковались по теплу пески и дремлющие в них травы, что давно

лось у него от тех дней, он бы ответил: «Ощущение счастья, когда охот закончился и я увидел, что овцы выжили».

И словно в награду прекратился снегопад и пошла бродить по ручьям взбалмошная девчонка-весна. Солнце било в снега с неистовым жаром, обнажившуюся землю пробивали зеленые стрелы трав, в низинах скапливались целые озера воды. Из-под снега высунулись прошлогодние кусты изеня — любимого лакомства овец. Подходила пора выгонять отару на пастбище, но Мохамедкарим медлил. Что-то его беспокоило, а что, он и сам пока не мог сказать. Какое-то предчувствие томил его, когда он смотрел, как

Я смотрел на сухое русло бывлой реки и думал о том, как долго хранит пустыня следы минувших событий. Ведь вот сколько лет минуло с той долгой зимы и бурной весны. Арап Ауэлибеков уже не студент, а главный зоотехник-селекционер совхоза «Задарьинский», работает над диссертацией. У старого Мохамедкарима появилась куча внуков, но страшный шрам в песках так и не заровнялся. Об этом и о многом другом мы говорили в доме Мохамедкарима, в Казахском научно-исследовательском институте каракулеводства в Чимкенте, в «Казглав-каракуле» в Алма-Ате...

— Сорок лет я пасу овец в здешних местах, — говорил Мохамедкарим, — раньше ничего тут не было — ни домов, ни воды, ни жизни. Между прочим, овец каракульских казахи никогда не знали, сомневались, способны ли овцы тут жить... А сейчас только

пустыня. Но и там находится для них достаточное количество пастбищ. Что там было в недалеком прошлом? Сотни километров можно было проехать и не встретить ни огонька, ни дыма. А сейчас электрический свет, клубы, поселки, жизнь кипит. Мы пасем на Мангышлаке шестьсот тысяч овец, тринадцать крупных совхозов создали. И там есть возможность увеличить поголовье еще примерно вдвое...

— Часты ли в зоне каракулеводства такие снежные зимы, о которой мне рассказывали в «Задарьинском»?

— Нет, это скорее исключение, гораздо чаще в наших местах засухи, и неизвестно еще, что страшнее. Но в любом случае ныне каракулеводство невозможно без страховых запасов кормов. Например, в девятой пятилетке поголовье у нас выросло на миллион сто тысяч голов, а в десятой — гораздо меньше. Объясняется это тем, что три года подряд были крайне тяжелыми из-за засухи. Кормов не хватало, а это проблема кардинальная...

— Как же она решается? Ведь в зоне пустынь нет, вероятно, семенов, но, с другой стороны, в том же «Задарьинском» я в каждой

ЧЕРНАЯ РОЗА ПУСТЫНИ

уже овцам грезилась сочные, зеленые побеги. А снег все шел. Редкие оттепели не успевали его растопить до конца, лишь превращали в ледяную корку, которую покрывал новый снег и новый лед. И так без конца...

— Дурак, — бормотал про себя Мохамедкарим, пробираясь к кошару, — зачем так радовался, старый дурак, когда пошел снег? Земля напьется — радовался, корма будет много — радовался, овцам хорошо будет — радовался...

— Плохое дело, ага, — прервал его размышления старший сын, Арап, студент сельскохозяйственного института.

Никто не знал, когда кончится проклятый снегопад. Никто не знал, когда же наконец придет весна. А зима длилась уже третий месяц вместо обычных двадцати дней. И снег все шел, не переставая...

В такой вот снегопад однажды ночью в одной из отар начался охот. Мохамедкарим потерял покой и сон. Ягнята рождались слабыми, молока у матерей почти не было, он понял, что всех ягнят в этой отаре придется забивать на шкурки — в любом случае они не выживут. Кстати, технология производства каракуля как раз такова, что самые лучшие смушки получают при забое ягненка на первый, второй или третий день после рождения. И еще понял чабан, что чем быстрее пройдет охот, тем больше у него шансов сохранить поголовье. Но ведь овцам этого не объяснишь. Они ягнились, не спрашивая у него совета, когда им вздумается: в глухой полуночный час, или в полдень, или к вечеру, когда подгибались от усталости ноги, а руки словно свинцом наливались. Но надо было носить корм, поить овец, отбивать ягнят, снимать шкурки и консервировать их. И казалось, что не будет конца этой тяжелой и жестокой работе. Едва лишь замечал он смену дня и ночи, потому что в редкие минуты затишья чабан задремывал тут же, в кошару. Но если бы спросить его потом, какое чувство оста-



На овцеферме.

быстро тают снега и набирают бешеную силу ручьи. Одна кошара стояла как раз на пути такого ручья, но пока что небольшая насыпь защищала овец от воды...

Все случилось на его глазах. Вода прорвала запруду сразу в нескольких местах и ринулась на кошару. Медлить было нельзя. Он на руках переносил овец на сухой пригорок. Бегом, бегом. Вода уже доходила до пояса. Он не замечал ни холода, ни усталости и, лишь когда вынес последнюю овцу, без сил повалился на песок. На его глазах вода подмыла стены кошары и обрушила их в воду. А потом двинулся дальше, вбирал в себя дружные потоки. Вскоре уже настоящая река бурлила в песках, легко прорывая себе русло...

— Вот здесь все это было, — сказал Арап Ауэлибеков, когда машина нырнула в довольно глубокий ров и с трудом выбралась на противоположный склон. — Тут неслась река, там стояла кошара, и из нее отец перетаскивал овец на овцы. Спусти некоторое время его наградили орденом Ленина...

Мы вышли из машины, и я долго смотрел на скромный пейзаж урочища Босага. По белым страницам снегов разбегались строчки овечьих следов, вдали курились дымки над домами, лаяли собаки, неторопливо шла отара, пощипывая кусты изеня и полыни, за отарой присматривал молодой чабан на мотоцикле.

— Лучшее коня? — спросил я его, кивнув на мотоцикл.

— Лучше, — засмеялся он, — не такой капризный.

в нашем совхозе почти шестьдесят тысяч овец.

Да, каракулеводство в Казахстане началось только в тридцатые годы, и совхоз «Задарьинский» одним из первых поднимал эту своеобразную целину. Каракуль — что означает «Черная роза» — расцветает в засушливых степях и песках и знаменит своей царственной манерой. Недаром, видно, бухарские эмиры в свое время ревностно оберегали тайну его рождения. Недаром на международных пушных аукционах спрос на каракуль постоянно растет. В первые годы Советской власти эта отрасль развивалась преимущественно в традиционных каракулеводческих районах Средней Азии, но затем довольно быстро распространилась по южным областям Казахстана. Теперь казахстанские животноводы довели поголовье каракульского стада до пяти с лишним миллионов голов, обогнав традиционных производителей каракуля — Узбекистан и Туркмению. Сейчас каждая пятая шерсть смушка мирового экспорта — казахстанская.

Путь к этому успеху был труден, — говорил начальник «Казглавкαραкуля», кандидат сельскохозяйственных наук К. Е. Елемесов. — Каракули — овцы особые. Достаточно сказать, что обычно бонитровка (оценка качества) овец проходит в полторагодовалом возрасте, когда все, так сказать, на виду, а каракульского ягненка — на первый — третий день после его рождения. В первый же день часто решается, каких ягнят оставить на племя, каких отправить на забой. Тут нужны и опыт и знания. Но зато каракули способны жить там, где отказываются жить другие, — в полупустынях и пустынях. Вот Мангышлак — из пустынь

бригаде видел внушительные стога прессованного сена...

— Сенокосы есть, это поливные сенокосы, но их не так много, как бы хотелось, — лишь в тех хозяйствах, которые находятся вблизи рек или каналов. В остальных сено приходится завозить из других областей. Где выход? Создавать специализированные совхозы, которые занимались бы только производством кормов на поливе. Для мангышлакской зоны, например, можно создать такой совхоз в Кызыл-Ординской области. Это гораздо проще и выгоднее для государства, чем бить и налечить в пустыне машины, накашивать по пастбищам всего полтора-два центнера с гектара (больше не накопишь) и попутно выводить из строя землю. Потому что косить естественные пастбища в пустыне — значит рубить сум, на котором сидишь. С пустыней надо обращаться бережно и даже нежно, как с женщиной, которая легкоранима и не прощает ошибок. От нас зависит, чем ответит пустыня человеку — добром или злым, эрозией почв, движением песков, образованием барханов. А ведь и девяностому году поголовье каракульских овец должно значительно возрасти.

В чимкентском НИИ каракулеводства мне рассказывали о культивировании диорастущих трав, а в совхозе «Задарьинский» я видел целые плантации посевов изеня.

— Как вы оцениваете эти опы-

ты? — Мне кажется, — говорил Елемесов, — что это весьма эффективный путь решения проблемы кормов. Рано или поздно нам придется уступить поливные сенокосы под более ценные технические культуры, а возделывание диорастущих аридных трав полива не требует. Например, изень — это прекрасный протеиновый корм, не уступающий по свойствам люцерне. Урожайность его в хорошие годы достигает пятнадцати — двадцати центнеров с гектара, а в трудные — от четырех до семи (в трудные годы неводеланные дикие травы часто не имеют даже периода вегетации). Засухи ему не страшны, потому что корнем он проникает на двенадцатиметровую глубину. Изень можно использовать как для улучшения пастбищ, так и косить на сено. Причем культура эта многолетняя, пересевать ее потребуется раз в десять лет. Поэтому в «Задарьинском» создан целый семеноводческий участок и уже во многих хозяйствах культивируют изень. Вторая культура — терскен. Как возделывать его, нам тоже ясно, но не решена пока проблема уборки. Это растение деревянистое, прочное. Чем его косить, как обмолачивать, пока не знаем. Ждет своего часа такая ценная кормовая культура, как белая полынь...



Готовится научный эксперимент.

Есть и другие проблемы в каракулеводстве, впрочем, общие для всего овцеводства Казахстана. Это прежде всего строительство кошар. Предлагают проекты кошар из сборного железобетона высотой под шесть метров. Но они и дороги и противоречат всем зоогигиеническим нормам. В них сыро и холодно. Хорошо еще, что каракульский ягненок рождается в шубке. А как быть тем, кто занимается тонкорунным производством? Ведь там ягнята рождаются совершенно голыми. И еще — каким образом доставлять в пустыню за 300—400 километров тяжелые железобетонные конструкции? Чем их там монтировать? К тому же и сами строители неохотно идут в эти места.

— Мы почему-то совершенно забыли о прекрасном местном строительном материале — глине, — говорил Елемесов. — Но строители считают, что глина — это неиндустриально и недолговечно. В Бухаре же, Самарканде, Турк-

стане строения из глины стоят многие сотни лет. К тому же мы не дворцы хотим соорудить, а кошары, причем тоже индустриальным методом. Скажите, глиномешалка — это индустриально? Транспорт — индустриально? Металлическая сборная опалубка — индустриально? Вот вам и кошара, стоимость которой в двадцать, тридцать раз дешевле железобетонной. А для каракульской овцы лучше помещения, чем из глины или сырцового кирпича, не надо. Любого чабана спросите. В нем и сухо и тепло. И все, что нужно для строительства, есть непосредственно там, где овца пасется... Сейчас мы добились создания собственной передвижной механизированной колонны (ПМК), поскольку строители в пустыню идти не хотят. Но одной ПМК, конечно, мало, нужна целая их сеть или специализированный трест, и тогда проблема строительства будет решена...

Вторая проблема, касающаяся

всех овцеводов, — сдача мяса. Если говорить коротко, то она заключается в том, что приемные пункты, мясокомбинаты находятся слишком далеко от пастбищ. Животных приходится туда гнать или везти за многие сотни километров. В любом случае овца теряет при этом пять-шесть килограммов веса. Поэтому необходимы небольшие хладобойни или заводы, приближенные к местам выпаса овец, и проблема отпадет сама собой...

Когда я был в Чимкенте, мне очень хотелось посмотреть, как работает каракулевый завод — самый передовой в Советском Союзе. Я уже знал, что казахстанский каракуль один из лучших в стране, что по качеству его опережает только туркменский. Однако мне не повезло, завод не работал. Дело в том, что сырье — шкурки каракуля — поступает на выделку неравномерно. И так же неритмично вынужден работать завод. Я ходил по цехам, осматри-

вал пустые в то время баркасы — огромные деревянные чаны (на подки совсем непохожие), в которых одновременно должны кваситься сразу по несколько тысяч смушек. Главный инженер завода Семен Алимбекович Алимбеков увлеченно рассказывал о многих десятках операций, которым подвергаются шкурки, прежде чем стать годными на манто, воротник или шапку. Он говорил о полуватоматических сушилках, чего нет на других заводах (там сушат по старинке, растилая шкурки по земле), о сокращении сроков обработки, предложенной учеными. И все же сильно меня удивил мой собеседник, сказав, что в конце концов шкурки отправляются кожевенным заводам, например, в Москву, на покраску. При этом их там снова размачивают, доквашивают, красят и вновь сушат.

— Разве нельзя все это сделать тут же, на месте! — спросил я Алимбекова и понял, что задел больное место.

— Как нельзя, почему нельзя, все умеем, но инструкция не позволяет. И все равно мы создали красивый цех и часть шкурок красим. Получается великолепно.

Потом я узнал, что это за часть. Если республика выполняет план, она может оставить на свои нужды пять процентов заготовленной продукции. Вот их-то и красят на месте, а два с лишним миллиона отправляют за пределы республики на другие красивые фабрики. В результате каждая шкурка дорожает на рубль, не считая транспортных расходов и потерь в качестве. Почему же нельзя разрешить окраску на месте? Потому что существует ведомственный барьер. Каракулевый завод принадлежит Министерству сельского хозяйства, а кожевенные другому — легкой промышленности... На них-то и красят шкурки.

И все же знаменитые каракульские смушки я увидел. Есть в Чимкенте музей каракуля, где можно часами любоваться волшебными его экспонатами. Тут и традиционный черный каракуль и вошедший в моду серый, который на международных аукционах сейчас ценится чуть ли не вдвое дороже обычного. Но более всего меня поразили каракуль сур, всю гамму цветов которого даже трудно перечислить. Каждый волос смушки такого каракуля не одинаков по окраске — темное основание и светлый кончик. Поэтому кажется, что цвет его как бы переливается. Давно были известны сур золотистый и сур серебристый бухарского типа. Советские ученые расширили эту палитру. Я смотрел на стенды и не мог оторвать глаз. Затеяливые завитки золотистого сура горели ярко под нечаянно упавшим на них лучом солнца. В сумерки те же завитки напоминали тлеющие угольки, подернутые пеплом. Волшебство! Тут был сур, отливающий синевой небом, и молочно-белый, как цветок абрикоса (его так и называли — урюк-гул), светло-рыжий шатур и сиреневый гулигаз, стального оттенка пулат и разноцветный по масти халли... Черная роза пустыни чудесным образом преобразилась благодаря упорству и умению ученых-селекционеров. Теперь перед казахстанскими каракулеводами ставится задача — специализировать каждое хозяйство на определенный цвет смушек...

Чабан совхоза «Задарьинский» Мохамедкарим Ауэлибеков и его сын Арап, главный зоотехник-селекционер.





И. Степанов. Род. 1934. ТРУДОВОЙ СЕМЕСТР. НА ФЕРМЕ. 1980.



К. Дорохов. 1906—1960. НЕНЕЦКАЯ ДЕВУШКА С КНИГОЙ. 1938.

ЧИТАЮЩИЙ СЕВЕР

Георгий РОЗОВ,
фото автора

Ненецкий писатель, автор трех стихотворных сборников, повестей и рассказов, переведенных на русский язык, он же тренер детско-юношеской спортивной школы, Прокопий Андреевич Евтысый учит детей многим видам спорта, в том числе и прыжкам через нарты. Есть такой вид спорта в Ненецком национальном округе. Двести прыжков — норматив мастера спорта, а некоторые из учеников Прокопия Андреевича прыгают по триста раз без передышки — правила очень строги, судьи — тоже. Тренер и писатель — необычное совмещение профессий. Но на Севере многое необычно: и огромные пространства, и малочисленность населения, и суровый климат, требующий от человека незаурядной силы и выносливости. В ненецкой тундре пасутся двести семьдесят тысяч оленей. Уход за ними — нелегкий труд. К нему-то и готовят своих учеников Прокопий Андреевич Евтысый.

В сложных условиях работают учреждения культуры Ненецкого национального округа. Кочуют по тундре оленеводческие бригады, а вслед за ними, где на оленях, где на вертолетах, передвигаются агиткультбригады, киномеханики со своей кинопроекторной аппаратурой, чтобы порой в чуме, затерявшемся в бескрайней черноте полярной ночи, семья оленевода могла смотреть самые новые фильмы, не чувствуя себя оторванной от жизни страны. И государство не скупится на расходы.

— Годовой бюджет только отдела культуры окружного исполкома депутатов трудящихся, — говорит заведующая отделом Римма Васильевна Костина, — миллион рублей. И все это для того, чтобы создать здесь условия для нормальной жизни. Особенно много сделано в этом отношении в год XXVI съезда партии.

Как и всюду, здешние детишки поутру идут в школу, а их папы и мамы достают из почтового ящика центральные газеты и местную «Нарьяна вындер». Есть в округе свое радиовещание на русском и ненецком языках. Наземная приемная станция «Орбита» позволяет смотреть те же телепрограммы, что и в Москве. За последние пять лет библиотеки приобрели двести тысяч книг, и сейчас здесь читают очень много: в среднем на каждого жителя сорок библиотечных книг в год. Возможно, среди сегодняшних читателей дети и внуки «Ненецкой девочки с книгой», для которой книга в давние времена была все-таки редкостью (см. репродукцию картины на предыдущей странице).

Как и в других городах, в Нарьян-Маре есть свой краеведческий музей, Дом народного творчества, кинотеатры, Дом пионеров, музыкальная школа. Ставят новые пьесы артисты народного театра, а ненецкий народный молодежный ансамбль песни и танца «Хаер» стал лауреатом Всесоюзного смотра самодеятельного искусства. Периодически устраиваются выставки самодеятельных художников. Многие собиратели значков, коллекционирующие изображения городских гербов, знакомы с работами одного из них — Семена Ивановича Коткина — автора герба Нарьян-Мара. В 1979 году округ праздновал свое пятидесятилетие. Северяне с гордостью говорили тогда о своих успехах в культурном строительстве, с полным основанием утверждая, что Ненецкий национальный округ, бывшая отсталая глубинка, живет теперь в одном ритме со всей нашей необъятной страной.



Урок географии в Нарьян-Марской школе-интернате.

В тундре.



«Открыть движение поездов на всем протяжении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали».

Из Проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии.

ТРОГА



На трассе БАМа.

Фото Дм. Бальтерманца



Анатолий Иванович Левченко — один из первых машинистов БАМа.



Многоэтажная Тында.

В. КУЗНЕЦОВ

Фото автора

191-й поезд должен отойти в 17.30. На моих часах ровно 16. Полтора часа в запасе. Подгоняемый крепким морозом, иду вдоль состава. Четырнадцать вагонов застыли в одной связке. Большинство — «старички». Колеса их намотали немало километров на соседней Забайкальской железной дороге. На вагонах таблички с надписями: «Тында — Благовещенск», «Тында — Владивосток», «Тында — Москва»...

У московского вагона трое парней в парадной солдатской форме, не обращая внимания на мороз, балагурят с молоденькой

проводницей. В петлицах у ребят — эмблемы железнодорожных войск.

— Пассажиры!

— Так точно! — отвечают по военному.

— Прощаетесь с БАМом?

— Никак нет, временное расставание. Решили после службы навестить родственников, погостить дома и вернуться сюда. Строили дорогу, а теперь будем здесь работать и жить.

Еще вагон, еще одна табличка: «Тында — Чита». Подумал: а ведь скоро увижу новые — «Усть-Кут — Комсомольск-на-Амуре». На карте эти точки соединены пока пунктиром. Но через четыре года картографам предстоит соединить их сплошной линией. Эти города породнит новая Байкало-Амурская железная дорога, самая молодая в МПС.

...Скрипят подошвы по хорошо утоптанной тропинке, ведущей к локомотивному депо. Машинист

Анатолий Левченко шагает не спеша, твердо. Он и в жизни делает все несуетливо, надежно. Сейчас вполголоса наставляет своего помощника Виктора Попова. Через час они поведут пассажирский поезд по БАМу и Транссибу до Сковородина. Рейс для машиниста второго класса Левченко привычный, как говорится, обкатанный. Впервые с маршрутом этого участка Анатолий Иванович познакомился 27 декабря 1977 года, когда вел первый пассажирский поезд в Тынду. Нелегкий был рейс, приходилось «кланяться» каждой стрелке, скорость малая, пробная, не более тридцати километров в час. Оно и понятно: дорога новая, и Анатолий Иванович на ней новичок.

...Получив разрешение, поднимаюсь вместе с экипажем в кабину тепловоза. Спрашиваю Левченко:

— Как осваиваете дорогу?

— Север шутить не расположен.

На БАМе есть такие километры, где безветренной погоды не бывает. Идешь с составом, вроде все нормально, солнышко светит, снег блестит и сверху не капает. Вдруг где-нибудь в выемке или на перевале рельсы исчезают. Сплошная белизна, масса спрессованная из снега и песка, ветром нанесенного с придорожных скал. Славится такими сюрпризами линия Тында — Беркажит. Нужны тепловозы помощнее.

Министерство путей сообщения этот вопрос поднимало. Принято специальное решение о создании и выпуске соответствующих машин.

— Вопрос с тепловозами рано или поздно должен решиться, — говорит Левченко. — И еще. Чтобы значительно увеличить объем грузоперевозок, необходимы дополнительные разводки поездов.

Проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии предусматривает увеличение грузооборота железнодорож-

И, МАШИНИСТ!

ного транспорта на 14—15 процентов,— продолжает разговор Анатолий Иванович.— Это касается и нас, бамовцев. Выполнение поставленных партией задач на транспорте зависит от четкости, согласованности действий соседних станций, отделений, дорог. Для этого, естественно, требуется надежная связь.

— Время, Иваныч, поехали,— напоминает помощник Виктор Попов.

Левченко, проверив тормоза, щелкает штурвалом контроллера. Медленно прокатываемся в выходную деповскую стрелку. Перрон заметно оживился, особенно многолюдно у московских вагонов. Знакомых мне солдат уже нет. Наверное, спрятались от мороза в теплое купе.

Звучит сигнал. Машинист нажимает кнопку подтверждения.

— Наша стрелка,— говорит помощник.

— Наша стрелка,— повторяет Левченко.

Так требует служба безопасности движения.

Стрелочница машет желтым флажком. Пока стрелочные перегоны здесь переводятся вручную, хотя пора бы переходить на автоматику.

Виктор, приоткрыв окно, шлет стрелочнице воздушный поцелуй, улыбается:

— Наша! Из отряда посланцев съезда комсомола.

Сегодня БАМ эксплуатируют железнодорожники первого комсомольского призыва. Конечно, далеко не все бойцы отряда были заправскими железнодорожниками. Большинство по ходу дела

осваивало новые специальности в учебных классах, кабинетах тепловозов, на путях и стрелочных перегонах. Помогли ребятам опытные железнодорожники, такие, как Анатолий Иванович Левченко.

...Наш тепловоз осторожно встает под состав. Щелчок — и он уже единое целое с четырнадцатю вагонами. Через несколько минут поезд точно по расписанию отойдет от станции Тында.

Станция Тында... Даже не верится, что всего каких-нибудь пять-шесть лет назад я бродил тут среди шумящей тайги. Сегодня здесь крупнейший железнодорожный узел БАМа. Красивый, белостенный город. Старенькие тындинские избы безропотно уступают место новым домам. Здесь каждый год рождается более тысячи детей. Тысячным ребенком в прошлом году стал Павка Корчагин, сын шофера механизированной колонны строителей Александра и медработницы Валентины Корчагиных. Думая о городе, вспоминаю недавний разговор с первым секретарем горкома партии Юрием Афанасьевичем Есaulковым. Говорили о задачах, стоящих перед коммунистами молодого управления новой дороги, о том, что Дальнему Востоку нужен четко отлаженный транспортный конвейер, что Министерству путей сообщения пора рассмотреть вопрос строительства уже сегодня столь необходимого БАМу тепловозоремонтного завода в Тынде, а вместе с ним и вагоноремонтного. Очень волнует секретаря горкома партии проблема застройки города. Нужен единый застройщик, проектировщик. Ведь население города до-

стигло пятидесяти тысяч, а проектировался и строился он на тринадцать тысяч.

Юрий Афанасьевич предложил добавить строчку в проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии: там, где говорится об открытии движения поездов на всем протяжении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, записать: «Предусмотреть развитие комплексного транспортно-распределительного узла Тынды».

...Левченко по радио сообщает диспетчеру о готовности состава. Тот в ответ желает счастливого пути.

«Давай, машинист, потихонечку трогай»...

* * *

Многие сотни коллективов несли на БАМе трудовую вахту под девизом «XXVI съезду партии — 26 ударных недель». Среди победителей социалистического соревнования бригада тоннельщиков Валентина Толстоухова и бригада монтеров, возглавляемая Валентином Шпеньковым.

Оба тезки друг с другом незнакомы, хотя и трудятся на одной стройке. Правда, между рабочими объектами бригад, которые они возглавляют, не одна сотня километров. БАМ ведет Туннельщики Валентина Толстоухова строят железнодорожный коридор в Байкальском хребте, а монтеры путей Валентина Шпенькова ведут рельсы великой магистрали на Чарском направлении от Тынды. Объединяют бригадиров и их товарищей победы, одержанные на предсъездовских трудовых вахтах. Сотни рабочих коллективов

строителей БАМа, стремясь достойно встретить XXVI съезд партии, приняли напряженные встречные планы. Бригада Толстоухова — завершить проходку первого на трассе Большого БАМа туннеля протяженностью в 6 километров 700 метров, а бригада Шпенькова — привести рельсы в Усть-Нюкжу на четыре месяца раньше срока, оставив тем самым позади себя железнодорожную линию в 337 километров от Тынды.

Для московского метростроевца Толстоухова путешествие в подземные крепи Давана началось 6 февраля 1977 года, когда он вместе с ребятами своей бригады осуществил врезку туннеля на восточном портале. Тогда все было впервые. Первое бурение, первые взрывы, первые углубления в скалистом склоне — будущий вход в подземный коридор.

За четыре года бригада пережила всякое: были радости побед, были и выматывающие трудности, созданные природой и недостатками в материально-техническом обеспечении. Но одно оставалось в бригаде неизменно — всегда находили достойный выход из этих трудностей.

Взрыв сбойки туннельных забоев невидим. Слышен только гул. Гул победного салюта проходческих бригад «Бамтуннельстрой».

Чуть позже прогремело победное «Ура!» на окраине старейшей таежной деревушки Усть-Нюкжа. Бригада Валентина Шпенькова положила последние 25 метров стального пути. Преодолев все трудности, бамовцы достойно выполнили обязательства, взятые в честь XXVI партийного съезда.

«МЫ СТРОИМ КОММУНИЗМ»



Творческим отчетом советских художников за истекшее пятилетие явилась Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм», недавно открывшаяся в Центральном выставочном зале столицы.

В экспозиции представлены полторы тысячи работ — произведения живописи, скульптуры, графики, плаката и декоративно-прикладного искусства. Здесь воссоздано героическое, революционное прошлое нашей страны и трудовые будни сегодняшних строков, здесь встречаем мы выразительные портреты наших современников и эмоционально насыщенные пейзажи, видим и дальние уголки нашей страны и неповторимый облик современных московских улиц. Центральное место занимают монументальные скульптурные композиции «В. И. Ленин» Ю. Нероды и «Малая земля» В. Цигалы, живописный портрет Л. И. Брежнева работы Д. Налбандяна.

Восемьсот авторов из всех союзных республик приняли участие в этом смотре достижений советского изобразительного искусства, посвященном XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза.

На открытии выставки присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро.

На снимке: на открытии выставки выступает председатель правления Союза художников СССР Н. А. Пономарев.

Фото С. Петрухина

ЛИТЕРАТУРА

интервью «огонька»



Ф. КУЗНЕЦОВ,
первый секретарь правления
Московской писательской
организации, делегат XXVI
съезда КПСС

— В мировой истории наше Отечество еще ни разу не поднималось на такую высоту, как сегодня. Никогда на наших плечах не лежала столь огромная ответственность — судьба мира во всем мире, а следовательно, судьба человечества. Меру этой ответственности я сравнил бы только с той, какую несла наша Родина в годы Великой Отечественной войны. Сейчас ответственность иная, но не менее суровая и трудная. Вот почему сегодняшняя ситуация в мире будит в душах людей патристическое и интернациональное сознание, обостряет чувство гражданина. Эти реальные жизненные процессы не могут не находить отражений в литературе.

Так началась беседа с известным советским критиком, первым секретарем правления Московской писательской организации, доктором филологических наук Феликсом Феодосьевичем Кузнецовым.

— Вы сказали, Феликс Феодосьевич, о чувстве гражданина, которое воспитывает литература. Можно добавить еще и чувство нравственной ответственности за судьбы Родины, за будущее. Отсюда и то постоянство, с которым наша литература снова и снова ставит проблемы духовного обновления советского человека. Литературно-критические споры последних лет об истории и народности, о духовности и бездуховности, новые произведения Ю. Бондарева и Ф. Абрамова, Г. Маркова и С. Залыгина, Ч. Айтматова и В. Тендрякова, В. Распутин и П. Проскурина подтверждают важность постановки этих вопросов. В связи с этим, что могли бы вы сказать о литературе последних лет, я бы даже сказал о

литературе ушедшего десятилетия?

— Да, мы вступили в начало 80-х годов XX века.

Совершенно очевидно, что наша литература в последние 10—15 лет приобрела новые качества, обогатилась в плане социально-философском, заметно углубился ее гуманистический потенциал, произошел резкий поворот к исследованию проблем духовных и нравственных ценностей — коренных проблем человеческого духа. И вновь и вновь мы обращаемся к размышлениям о том, в чем же смысл жизни, что сообщает человеку высокую осмысленность существования и повседневного бытия.

Жизнь пребывает в постоянной динамике, и литература развивается вместе с жизнью. Последние полтора десятилетия отмечены резким ростом духовных потребностей человека — тягой к книге, к искусству, заинтересованным отношением к нашей истории. Углубление чувства историзма проявляется буквально во всем. Сегодня не только исторический роман, но и любой исторический документ, любая документальная или научно-популярная книга мгновенно находят своего читателя. Повседневная жизнь людей, особенно молодежи, наполнена напряженнейшими духовными исканиями. Проблемы смысла жизни, совести волнуют многих, что является еще и обостренной реакцией духовно чутких, совестливых людей на тот вызов прагматизму, потребительских начал, которые еще существуют в обществе.

Произведения последних лет отражают все эти процессы. Недаром Юрий Бондарев, прекрасно начав с батальных повестей «Последние залпы» и «Батальоны просят огня», вышел на проблематику романов «Берег» и «Выбор», проблематику философски-гражданскую. Проза Бондарева, с моей точки зрения, наиболее точно отвечает требованиям времени.

Стремление все более активно и непосредственно воздействовать на нравственное состояние общества подвигло Федора Абрамова написать роман «Дом» — принципиальное явление в развитии нашей прозы. Интересным явлением литературы в этом плане стали и повести молодого прозаика Анатолия Кривоногова, в особенности роман «Поживем — увидим».

Формированию духовных основ человека, более полному выявлению и утверждению гуманистического потенциала общества содействовали произведения Белова, Астафьева, Носова, Залыгина, Солоухина, Шугаева, Куваева...

— Простите, сюда можно отнести Шукшина, Тропоянского, Ка-

занова, Думбадзе. Понимаю, что нельзя этот список продолжать до бесконечности, но и не хотелось бы ограничивать его теми писателями, которые как-то по-особому проявили себя в этот отрезок времени. Поэтому, возвращаясь к вашим словам об углублении чувства историзма у писателей, я просил бы вас поразмышлять об историко-биографических романах последнего времени, об отношении к классике, к ее великому наследию. Ведь читательское отношение к классической литературе тоже изменилось.

— И изменилось в сторону, как мне кажется, всевозрастающей глубины постижения идей и чувствований, которые несет классика современному читателю. Внимание к нашей отечественной культуре — это благо, великое благо, ибо человека будущего можно воспитать только на прочном фундаменте и настоящего и прошлого. Человек, лишенный памяти, лишенный корней, почвы, на которой он может твердо стоять, — такой человек не может стать гражданином в прекрасном классическом значении этого слова.

Внимание к ценностям нашей культуры и истории исключительно важно еще и потому, что задачи патристического воспитания, воспитания в людях чувства гражданина своего Отечества актуальны, как никогда. Сегодняшняя ситуация в мире непроста: нам бросается вызов одновременно и с Запада и с Востока. Мы должны думать о постоянной моральной боеготовности народа.

Сначала об исторических романах. Если говорить честно, я в какой-то степени удручен тем обстоятельством, что исторической романистике наши журналы, издательства, наши критики уделяют меньше внимания, чем этот жанр заслуживает. А у нас есть серьезные успехи на этом поприще. Я, например, считаю, что такой романист, как Дмитрий Балашов, живущий в Петрозаводске, это крупный художник, который делает большое дело. К сожалению, его книги проходят почти незамеченными критикой.

В этой связи хочется поддержать издательство «Молодая гвардия», начавшее выпускать много томный сериал исторических романов и повестей.

Что касается классического литературного наследия, скажу, что классика — это та вечная духовная ценность, которая не может, не должна пребывать в застывшем состоянии, быть музейным памятником, неким антиквариатом. Она живет жизнью современности.

Ведь тайна классики в том и состоит, что каждое новое поколение в чем-то прочитывает ее посвоему. Более того, даже на протяжении одной жизни рядового человека крупный писатель прошлого оборачивается все новыми

и новыми гранями. Скажем, Достоевский. Мое прочтение Достоевского в школьные, потом в студенческие годы, потом в зрелую пору — это прочтение разными глазами. Надо сказать, что судьба этого писателя особенно показательна не только для одной конкретной личности, но и для судеб развития нашего общества. Наше отношение к нему, скажем, в 20-е, 30-е, 40-е годы, а затем в 70—80-е различно. Фактически мы сравнительно недавно поднялись до того уровня развития, когда смогли в полной мере осмыслить мировое значение Достоевского. Гуманистический заряд необыкновенной силы, который жив в его творчестве, определяет наше к нему отношение.

Наша сила в оценке классического наследия, в многообразии, богатстве подходов к его восприятию сегодня, а не в однолинейности, узости, ригоризме.

— Феликс Феодосьевич, сейчас много спорят вокруг книг, выпущенных в последние годы серий «НЗЛ» и посвященных деятелям нашей отечественной словесности. Правда, не все книги рождают споры, полемику. Допустим, работы О. Писарева, Герцена прошли спокойно, а некоторые вызвали острые дискуссии.

— Понимаю, вы имеете в виду полемику вокруг книг М. Лобанова об Островском, Ю. Лошца о Гончарове, И. Золотуского о Гоголе. Я имею свою точку зрения на эти произведения. Видите ли, попытка названных авторов в чем-то по-новому прочитать Гончарова, Островского и Гоголя симпатична, вызывает интерес и обуславливает право авторов этих книг на то, чтобы они пришли к читателю.

Но, как человек, по своей идейной биографии выросший на революционно-демократических традициях и более или менее профессионально знающий общественную расстановку сил в середине прошлого века, все напряжение идейной борьбы в ту пору, я отчетливо вижу и некоторые недостатки этих книг. Считаю, что книги эти заслуживают спора, дискуссии, а ведь это, согласитесь, уже много. Несомненно, талантливые, они важны потому, что приковали внимание читателей к объекту исследования. Это очень серьезно — писать о классиках, подчас немного отодвинутых от молодого читателя недостатками нашего школьного воспитания, таким образом, чтобы будить в умах и сердцах живой к ним интерес с тем, чтобы ощущать их своими современниками. Собственно, они таковыми и остаются, ибо классика всегда явление не только вчерашнего, но и сегодняшнего дня.

Так вот, мне представляется, что спорность книг об Островском, Гончарове и Гоголе сводится, если брать формулу обыденного сознания, к известной поговорке о пе-

СИЛА СОЗИДАЮЩАЯ

регибании палки в обратную сторону. Причину этого я вижу в том, что книги эти рождались в споре с устоявшимися и застоявшимися штампами, стереотипами литературоведческого сознания при взгляде на эти фигуры.

В последние годы много сделано для преодоления такой одно-сторонности. Вышли, в частности, сборники статей А. Григорьева, А. Дружинина, готовится сборник статей Н. Страхова, исследуются русское славянофильство, почвенничество. И важно, чтобы исследование шло с позиций научных, конкретно-исторических. Мы не можем судорожно цепляться за отжившие штампы, но это не значит, что в пылу полемических издержек следует неоглядно бросаться в стихию славянофильства, почвенничества за счет революционно-демократических традиций. Зачем же нам самих себя грабить и на новый манер повторять ошибки прошлого, только уже с обратным знаком?!

В этой связи мне хотелось бы высказать одну мысль. Отстаивая исторические ценности национальной культуры, мы не должны, не имеем права из одной крайности шархаться в другую. Я понимаю, что упоминаемые книги ведут спор с той односторонностью, которая историю русской общественной мысли, историю русской литературы сводила порой исключительно к демократическим традициям, недооценивая все многообразие и богатство историко-культурных традиций русского общества XIX века. И все же главная издержка полемики, которую Лобанов, Лощиц и Золотуский вели со своими предшественниками, в том, что они в ряде случаев не в полной мере учитывали при работе над книгами точку зрения революционно-демократических критиков на произведения Островского, Гончарова, Гоголя. Отсюда и некоторая неполнота постижения мира сложнейших художников.

— Феликс Феодосьевич, вы сказали, что выросли на революционно-демократических традициях. Поскольку наша беседа с вами носит отчасти юбилейный характер — в эти дни вам исполнилось 50 лет, — не могли бы пояснить, что вы имели в виду?

— Охотно поясню. Родом я с Севера, родители мои по корням своим вологодские крестьяне, получившие образование в Тотемском педучилище и ставшие народными учителями. Отец всю войну провел на фронте, и мое детство — это детство в колхозе, в родной деревне. Как и все мои сверстники, выполнял любую колхозную работу. Рано повзрослел. Нелегкий жизненный путь, трудовой народный опыт в значительной мере определили мое мировоззрение, взгляды на жизнь. Это, по-видимому, сказалось

позднее, когда я стал студентом, а потом — аспирантом Московского университета, и на выборе моих научных изысканий, а именно — история русской общественной мысли, революционные демократы, народники. Ведь и демократы и народники были, вспомним Некрасова, «народными заступниками», и их идеология — это идеология русского трудового крестьянства.

Как видите, прежде чем профессионально заняться литературной критикой, я занимался изучением литературной критики минувших эпох.

— Да, читатель знаком с вашими исследованиями в области истории русской общественной мысли, литературы и критики, с вашими глубоко аргументированными выступлениями в печати по современному литературному процессу. Хотелось бы узнать ваше мнение о влиянии современной критики на литературу, на читателей. Не секрет, что некоторые авторы не признают слова «критика», так же как и иные читатели не считают своим долгом верить оценкам критиками того или иного произведения, творчества того или иного писателя.

— Я не придаю большого значения воздействию критика на писателя по принципу «ближнего боя» и не думаю, что писатель, прочитав критическую статью или книгу, будет писать обязательно лучше. Конечно, бывают такие статьи и такие книги, которые могут потрясти писателя. Но, честно признаться, таких больших удач даже у крупнейших критиков бывает мало. Может быть, раз в жизни.

Точно так же не думаю, что непосредственное обучение чтению литературы — самая первая и исчерпывающая обязанность критика. У меня есть книга «Беседы о литературе», вышла она для учителей средней школы и для старшеклассников, и цель ее в известной мере прагматична: помочь учителям литературы и учащимся лучше узнать современную литературу. Отрицать значение и полезность подобных книг нельзя. Но в идеале критика должна учить людей мыслить и чувствовать.

Критика середины прошлого века была именно такой. Не случайно «Современник» начинали читать со второй половины, то есть с литературно-критических статей. Не случайно Белинский говорил, что журнал стоит кафедры. Неопровержимый факт: русская демократическая критика XIX века в значительной мере сформировала и литературу и читателя.

Так вот, главное в критике — ее умение заставить читателей и писателей думать, мыслить общественно, поднимать тонус самосознания в обществе, стремиться расширить масштабы социально-философского мышления как литературы, так и читателя. Крити-

ка подлинная должна быть эстетикой. Она должна учить видеть красоту произведения и жизни. Но, конечно, не должен забываться аспект социальный. Истинная критика — это гармоническое сочетание эстетического и социального анализа, и любой перекош ведет к диссонансу. Критик должен жить «живой жизнью», быть с веком наравне, недаром Блок считал критику выражением долгой идеи.

Что касается современной критики, я считаю, что критика у нас серьезная. Как говорится, каждая литература имеет ту критику, которую она заслуживает. Современная литература имеет достаточно вдумчивую и талантливую критику. Вместе с тем должен отметить, что при всем том добром, что можно о ней сказать, особенно после постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», подчеркнув, в частности, утверждение в последнее время аналитической критики (а это немалое достоинство), я лично испытываю внутреннее неудовлетворение общим положением нашей литературно-критической мысли. Я считаю, что критерии требовательности у нас недостаточно высоки. Мы не до конца выполняем то требование партии, которое было сформулировано еще на XXIV съезде КПСС в докладе Л. И. Брежнева и касалось принципиальных и последовательных позиций в борьбе за идейно-художественное достоинство литературы, а именно в соединении требовательности с тактом и бережным отношением к творцам художественных ценностей.

Мы редко печатаем статьи, в которых к нашей литературе предъявлялся бы хоть сколько-нибудь серьезный счет. Если и наберешь за год одну, две, три статьи, это уже хорошо, да и то обычно это статьи, посвященные заштатным, периферийным, не в смысле географии, а в смысле положения в литературе, малоизвестным, чаще всего молодым авторам. Или же в качестве исключения такой счет предъявляется явлениям подлинной литературы, но именно потому, что это бывает редко, это и производит впечатление какой-то несправедливости.

Я, например, не могу принять ту, с моей точки зрения, недостаточно обоснованную резкость критических оценок, которую получил в некоторых статьях роман Ф. Абрамова «Дом» — произведение острогражданское, социальное, заслуживающее, на мой взгляд, более внимательного и доказательного разговора.

Это пример, когда при столкновении с новыми значительными явлениями прозы наша критика

терпит поражение. В силу именно того, что она избегает глубокого мировоззренческого разговора о литературе. Между тем трудности и беды в нашей литературе, в частности в прозе, конечно, связаны не с тем или же далеко не с тем, что люди не умеют писать. Ремеслом письма сегодня овладевают чуть ли не с младенческих лет, но ограниченность чаще всего носит мировоззренческий характер, и трудности нашей современной литературы связаны бывают с методологическими просчетами художественного постижения действительности, с недостаточно высоким уровнем осмысления жизни.

— Наша беседа подходит к концу, и если она началась с ваших ретроспективных рассуждений о литературе, то закончить ее хотелось бы попыткой некоего прогноза.

Как вы считаете, что может быть характерным для развития нашей литературы в ближайшие годы, какие проблемы могут ее волновать?

— Конечно, прогноз — трудная вещь, но вопрос не застал меня врасплох. Думается, что в пору 80-х годов литература стоит накануне больших событий, больших свершений, выработки новых подходов к жизни. Новое, что уже сегодня пробивает себе дорогу в литературе и что, с моей точки зрения, все больше будет проявлять себя в этом процессе, если хотите, политизация литературы, рост ее социального, общественного, гражданского значения — такова сегодня объективная потребность жизни. При огромных наших успехах, при форсированном движении вперед у нас накопилось немало трудных, нерешенных проблем, взыскующих к людям, к писателям. Это и проблемы экологии, проблема трудовой морали, проблема хозяйского отношения к своему делу, уровня и качества хозяйствования, проблема поведения человека в быту, на производстве. Наконец, проблема труда общественного, гражданского нравственности. Существует понятие военного героизма (примеры и приводить не надо), трудового героизма — сошлюсь на романы и повести В. Кожевникова, В. Липатова, очерки И. Винниченко и Б. Можая. Сегодня все большее значение приобретает понятие героизма гражданского, героизма человеческой честности.

Их должна исследовать и формировать наша литература. И все это не может не привести к тому, что она все в возрастающей степени станет силой создающей, литературой глубокой исследовательской правды, крупных гражданственных характеров, действительной социальной активности.

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.



Боевую задачу ставит командир роты А. В. Обухов.

Хорошо обмеряться (немного после заката) братья Пакловы делают это с удовольствием.



АТАКУЕТ «ЦАРИЦА

**Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

— Наш полк — один из самых старейших в Вооруженных Силах Советского Союза: день его рождения — 24 февраля 1918 года, — подойдя к стенду с пожелтевшей газетой, рассказывает капитан В. Г. Котов. — А все началось с исторического воззвания В. И. Ленина, с которым он обратился к народу 21 февраля 1918 года. «Социалистическое отечество в опасности!» — писал с тревогой Ильич в «Правде». И призывно заканчивал: «Да здравствует социалистическое отечество!».

Положение было действительно отчаянное: немцы взяли Псков и наступали на Петроград. Навстречу вышколаженным дивизиям выехал чрезвычайный военный комиссар Ян Фабрициус. Вся его армия состояла из сорока трех кое-как вооруженных красногвардейцев-путиловцев. Правда, у Фабрициуса, кроме винтовок, было еще одно, пожалуй, самое верное оружие: номер «Правды» с ленинским воззванием. Именно это оружие помогло ему в критический момент. На станции Третий разъезд, что вблизи Гдова, грузились в эшелон солдаты-окопники — они собирались по домам. Как их остановить? Как вернуть на фронт, да не в окопы, а послать в наступление донельзя измотанный четвертый Капорский пехотный полк?

Чрезвычайный военный комиссар понимал, что здесь нужны не просто слова, здесь нужны особые слова — ленинские. И он достал «Правду»... Решение капорцев после митинга было единогласным: «В бой! На фронт! На защиту социалистического отечества!». К вечеру того же дня Фабрициус телеграфировал: «Гдов освобожден... К нашему отряду изъявила желание присоединиться еще одна рота из оставшихся войсковых частей». Чуть позже этот отряд стал называться первым Гдовским батальоном пограничной стражи, а в мае восемнадцатого переформирован в полк.

Подвиги полка высоко оценены молодой Советской республикой: ему было вручено Почетное знамя ЦИКа.

* * *

Солдаты стояли не шелохнувшись... Они были последнего, осеннего призыва прошлого года. Поэтому форма сидела на них не очень ладно, волосы на стриженных головах еще не отросли, а в глазах у некоторых таилась тоска по дому и всепрощающей маме. Посмотреть со стороны — совсем еще мальчики, акселераты в са-

погах сорок четвертого размера, но все же — мальчики. Зато рядом с ними настоящие мужчины. Любо-дорого глядеть на подтянутых, молодцеватых, спортивных, как один с усами (ничего не поделаешь, в полку такая традиция еще со времен Фабрициуса) лейтенантов и капитанов, которым предстоит из городских и сельских мальчишек сделать не только хороших солдат, но к тому же еще и сержантов — командиров отделений.

Ребята смотрели во все глаза. Музей полка по-настоящему интересен. Здесь и опаленные войной знамена, и фотографии героев, и рваные осколки, вынесенные с тех полей, где бился полк, и пробитые пулями солдатские книжки, и многое другое. Замполит батальона капитан В. Г. Котов прервал рассказ и изучающе всматривался в лица новобранцев: все взволнованы и ждут продолжения.

— Гражданскую войну полк закончил на Украине и расквартировался в Жмеринке. К этому времени он получил другой номер — 170-й и наименование Петроградский, в феврале 1924 года переименован в Ленинградский. На место нынешней дислокации полк переведен в ноябре 1937 года. С тех пор его история связана с городом Ленина... Зимой сорокового наш полк прорывал пресловутую «линию Маннергейма». Многие бойцы отличились в тех боях, а один, разведчик Иван Комаров, стал первым в полку Героем Советского Союза.

Великую Отечественную войну полк встретил на полуострове Ханко, больше известном как Гангут. Сто шестьдесят четыре дня держался гарнизон Гангута, и не просто держался, а не раз переходил в наступление — семнадцать стратегически важных островов отбили у врага. Артобстрелы, бомбежки, атаки с моря — все вынесли наши однополчане. Об этих боях бывший разведчик Ленинградского полка Михаил Дудин писал: «Кипит вода. Горит земля. А человек стоит!»

В конце октября полк перевели в осажденный Ленинград. «Ивановский пятачок», сражения у Синявинских высот, прорыв блокады, пулковские бои, штурм Вороньей горы, форсирование Нарвы — все это героические страницы истории нашего полка. В сорок третьем он стал гвардейским и был награжден орденом Красного Знамени. А подвиг Дмитрия Молодцова, грудью закрывшего амбразуру вражеского дзота, отмечен Золотой Звездой Героя... Летом сорок четвертого нашим однополчанам пришлось вторично штурмовать «линию Маннергейма» — на этот раз ее прорвали молниеносно. Позже полк участвовал в освобождении Эстонии, за что был удостоен ордена Кутузова, потом сражался в Латвии, добывая так называемую Курляндскую группировку фашистских войск, и закончил войну под Ригой.

Капитан перевел дух и не по уставному закончил:

Командир роты Николай Леонов.

ПОЛЕЙ»

— Вот так, ребята! Теперь вы представляете, в какой части по-счастливилось служить? Из поколения в поколение передавались героические традиции гвардейского учебного мотострелкового Ленинградского Краснознаменного ордена Кутузова полка имени Ленинского комсомола, теперь нам продолжать и укреплять эти традиции. Посмотрите на портреты однополчан — Героев Советского Союза. Их шестеро. С них нам брать пример и заниматься! Командование батальона с удовлетворением отмечает, что ваша рота по итогам социалистического соревнования стала лучшей. Поздравляю вас и вручаю переходящий вымпел имени Героя Советского Союза Дмитрия Молодцова.

Вот вам и неуклюжие мальчишки! Стать первыми в боевой и политической подготовке не такое легкое дело.

А на следующий день мы видели, как, увязая в снегу, спотыкаясь, падая, вновь поднимаясь, где бегом, где на лыжах, а где попластунски будущие сержанты из этой и других рот атаковали «противника». Как назло, накануне прошел дождь, а ночью подморозило, так что образовался хрусткий и острый, словно бритва, наст. Стоять на нем вроде бы можно, но как только побежишь, наст лопается — тут же проваливаешься по пояс в снег, выбираешься на коварную корку, снова проваливаешься. И так километра полтора, пока не доберешься до «противника».

После первой же атаки ребята взмокли, от них валил пар, казалось, они едва держатся на ногах, но командир второй роты старший лейтенант Николай Леонов, не скрывая досады, сказал:

— Читайте, что почти все убиты! Цепь распалась. Бегаєте, как черепахи. Совершенно не используете складки местности. И, наконец, напрочь забыли, что вместе с нами идут боевые машины пехоты. А БМП — это почти танк, только десант не на броне, а внутри машины, защищенный от пуль и осколков. Как только откроются дверцы, все должны выскочить на снег, рассредоточиться в цепь — и спринтерский бросок на траншеи «противника». Вопросы есть? Нет. По машинам! Гдовский взвод атакует первым.

Кое-с кем из этого взвода я уже познакомился. В полку, кроме Гдовского, есть еще один именитый взвод — Кировский: здесь традиционно служат ребята из Гдова и с Кировского завода. Братья Павловы, Саша и Сергей, так похожи друг на друга и статью, и силой, и лицом, и характером, что командиры их часто путали. Чтобы не было недоразумений, назначили старшинами разных рот — первой и второй. Вот и оказалось, что в подчинении у Сережи Кировский взвод, а у Саши — Гдовский. Итак, кое-какие братями разгорелось соревнование, что в итоге оказалось: лучшие спортсмены — у них, лучшие стрелки — у них. О выправке, дисциплине, успеваемости и прочем я и не говорю — их солдат видно сразу, и видно издалека: молодцеватые, лихие, на мундирах ни складочки.

Когда БМП выходили на рубеж развертывания, я заметил, как братья обменялись многозначительными взглядами и потуже затянули ремешки касок. Мне раз-

решили сесть в одну из машин. И когда БМП рванулись вперед прямо по целине, такая началась качка и тряска, что вскоре я почувствовал — укачивает, как на море.

— Это с непривычки, — подбодрил командир Гдовского взвода старший лейтенант Геннадий Боязитов. — Поначалу всех укачивает, особенно сидящих ближе к корме.

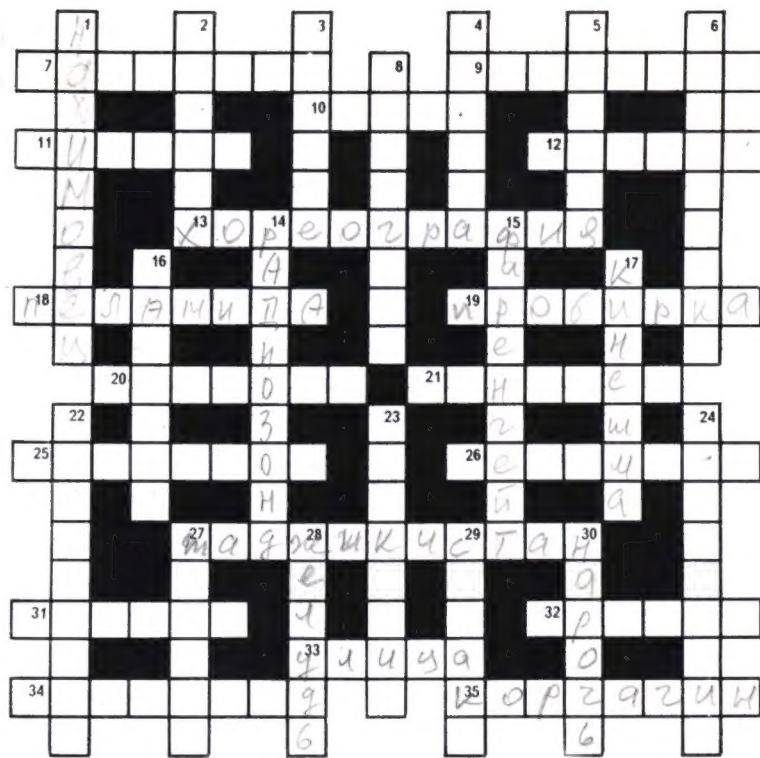
А что было, когда солдаты вставили автоматы в крохотные отверстия и открыли огонь прямо из машины! Гильзы визгливо щелкают. Треск, грохот, дым! Ну, а когда бабахнула пушка и застрочил пулемет, тут я вовсе, как говорят солдаты, вырубился. Наконец, БМП остановилась, сзади распахнулись дверцы, и все выскочили на снег. Вернее, выскочили все, кроме меня; я вывалился. А командир уже кричит: «В атаку! Вперед!» Взводы кинулись на «противника». Я тоже попытался бежать и не смог: после езды в БМП ощутимо покачивало. А солдаты бежали! Бежали те самые ребята, которых в музее я принял за юнцов, тоскующих по всепрощающей маме.

Да, нынешние мотострелки — так теперь называют царицу полей пехоту — тренированы прекрасно. А ведь в полку солдаты всего несколько месяцев! Нетрудно представить, какими они станут к концу службы. И все-таки — какими? Этот вопрос я задал тридцатипятилетнему командиру полка, сыну погибшего под Прагой комбата А. Я. Обухову.

— Современный мотострелок — это очень выносливый, сильный, образованный и, я бы сказал, хитрый воин, — ответил командир. — Образованный — чтобы управлять со сложной техникой, а ее на вооружении достаточно. Выносливый — чтобы после длительных марш-бросков вести напряженный бой. Сильный — чтобы не бояться вступить в рукопашную схватку. Ну, и хитрый — чтобы по старому суворовскому правилу побеждать не числом, а умением. Наша задача — готовить командиров отделений. До сих пор нареканий на наших воспитанников не было. Уверен, не будет и в дальнейшем. Залог тому — традиции полка, которые мы свято храним и приумножаем. Недаром подразделение уже пять лет носит звание «Отличный полк», награждено переходящим Красным знаменем Ленинградского военного округа, а во всех спартакиадах и соревнованиях мы неизменно занимаем первые места.

Три дня провели мы в полку. Мы видели, как напряженно учатся мотострелки, как целеустремленно командиры и политработники ведут их от вершины к вершине военных знаний, как вчерашние мальчишки превращаются в настоящих мужчин, надежных защитников Родины. И очень символично звучала в их устах походная боевая песня, слова которой написал ветеран части Михаил Дудин. Роты шли в клуб, шли весело, задорно, звонко печатая шаг. А над строем гремела песня военных лет:

Мы не привыкли под пулями гнуться.
Страх не зная, не зная преград,
Под Ленинградом дерутся гангутцы.
Встанем стеной за родной Ленинград!



КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Приток Иртыша. 9. Римский поэт и философ-материалист. 10. Вещество, вырабатываемое некоторыми растениями. 11. Древнерусская мера длины. 12. Увертюра Л. Бетховена к трагедии Н. В. Гете. 13. Искусство танца. 18. Промысловая морская рыба. 19. Стеклоплавильная трубка для лабораторных работ. 20. Чешская писательница XIX века. 21. Скульптор, народный художник СССР. 25. Элементарная частица. 26. График, один из создателей «Окон РОСТА» и «Окон ТАСС». 27. Союзная советская республика. 31. Вулканическая горная порода. 32. Крупная морская птица. 33. Пространство между двумя рядами домов. 34. Химический элемент, газ. 35. Герой романа Н. А. Островского.

По вертикали: 1. Воспитанник военного учебного заведения в СССР. 2. Басня И. А. Крылова. 3. Французский композитор. 4. Певчая птица. 5. Действующее лицо в балете А. И. Хачатуряна «Спартак». 6. Спортсменка. 8. Опера Р. Вагнера. 14. Прибор для измерения давления, температуры, влажности в высоких слоях атмосферы. 15. Немецкий физик XVIII века. 16. Ткань для женского и детского платья. 17. Город в Ивановской области. 22. Раздел математики. 23. Планета Солнечной системы. 24. Арифметическое действие. 27. Атомное ядро радиоактивного изотопа водорода. 28. Плод дуба. 29. Рассказ М. Горького. 30. Озеро в Белоруссии.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 7

По горизонтали: 6. Горихвостка. 8. Баян. 10. Край. 11. Оляха. 12. Паганини. 14. Оригинал. 15. Пирог. 16. Барабан. 19. Сарафан. 21. Новолазаревская. 22. Микешин. 26. Шампань. 30. Сарыч. 32 «Гитарист». 33. Устинова. 34. Дриго. 35. Вахш. 36 «Двор». 37. Силопосование.

По вертикали: 1. Голубика. 2. Линотип. 3. Эскалоп. 4. Акустика. 5. Застава. 7. Камбала. 9. «Влтава». 10. Кабина. 13. Драматург. 17. Рынок. 18. Нулин. 19. Сиваш. 20. Фляга. 23. Ишимбай. 24. «Ералаш». 25. Имитация. 27. Антифриз. 28. Пентод. 29. Неверов. 30. Стадион. 31. Чувашская.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Плакат художника В. Викторова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва. Кремлевский Дворец съездов.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 2.2.81. Подписано к печати 17.2.81. А 00334. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отг. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 552. Заказ № 29.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.



Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

